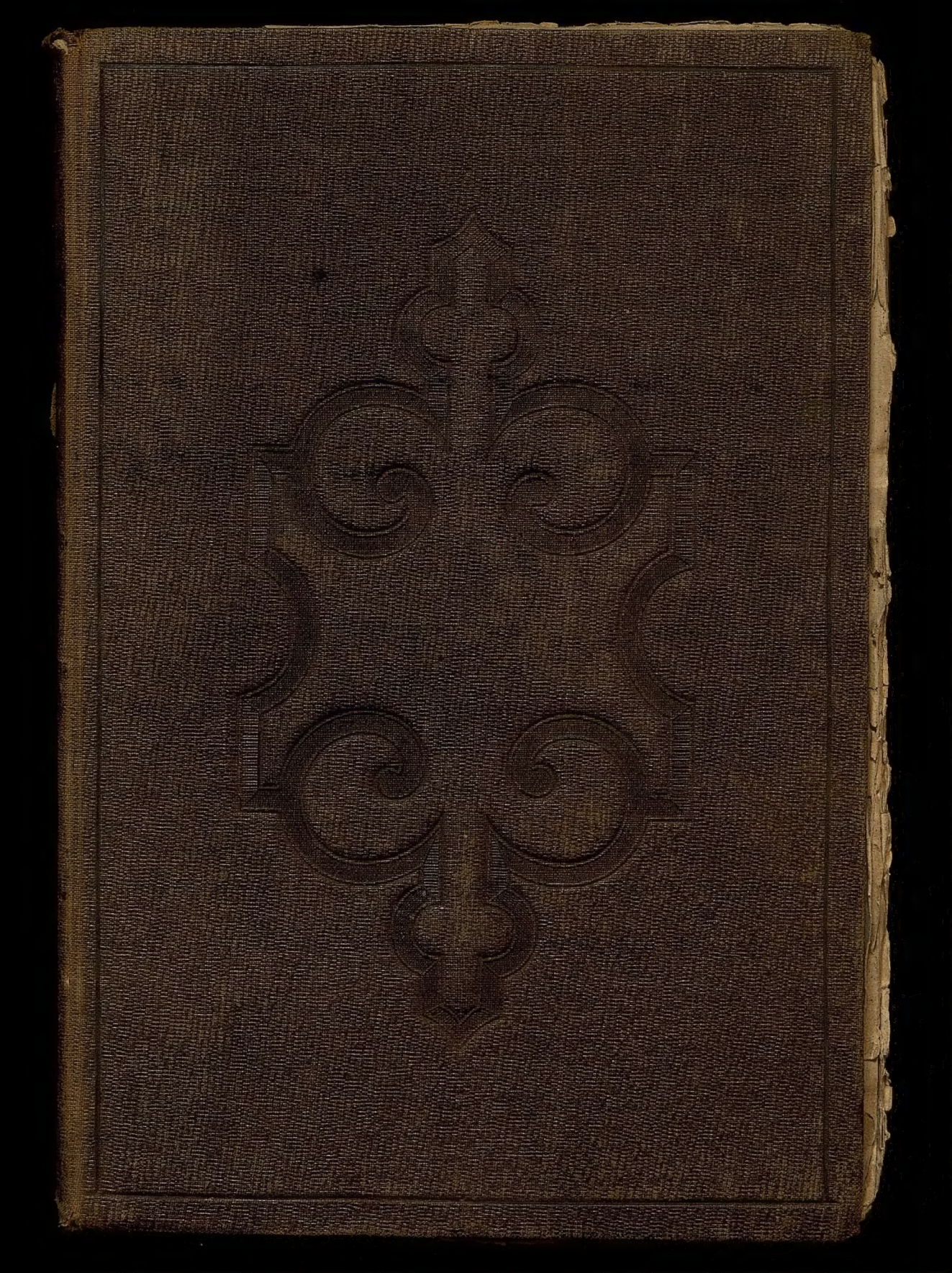


21

166.
V
Lynch
PH 18443
ADM

А 5р

ЖИВОПИСНЫЕ ОЧЕРКИ

КОНСТАНТИНОПОЛЯ

24

ЖИВОПИСНЫЕ ОЧЕРКИ

КОНСТАНТИНОПОЛЯ

съ 26 картинками
гравированными на стали, въ Лондонѣ

Изданіе А. И. Давыдова

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи Эдуарда Праца
1855

КП18443
КН5081

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 15-го марта 1855 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ВСТУПЛЕНІЕ 1

ОБЩІЙ ВИДЪ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

Картина г. профессора Воробьева. — Огромность города. — Первыя впечатлѣнія при видѣ его съ моря. — Англійскіе воздухоплаватели и султанъ Селимъ. — Выгоды воздушнаго обзора. — Предмѣстія и моря. — Сераль, центръ столицы. — Общій видъ сераля. — Предположенія француза Турнефора. — Поэтическое впечатлѣніе, оставленное видомъ зданій сераля. 7

МОРЕ, ВОДЫ И ЛЕГЕНДЫ, КЪ НИМЪ ОТНОСЯЩІЯСЯ.

Море въ Константинополѣ. — Его значеніе. — Слова одного туриста о водахъ въ Стамбулѣ. — Меланхолія. — Мрачныя сцены на Босфорѣ. — Легенда о рыбакѣ Искандерѣ и о любимой султаншѣ султана Ахмета 13

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЯ МЕЧЕТИ.

Трудность доступа въ мечети. — Внутренній ихъ видъ. — Отсутствіе благолѣпія. — Народъ, наполняющій мечети. — Публичная благотворительность. — Когда лучше всего смотрѣть мечети. — Ихъ архитектура. — Ени-Джами. — Старая мечеть, мечеть Махмуда въ Топхане. — Мечети, передѣланныя изъ греческихъ храмовъ. — Айя-Софія. —

Стран.

Магометъ-Султанъ въ Софійскомъ соборѣ. — Мечеть Ахмета. — Ея внутренность въ день истребленія янычаръ. — Нѣсколько словъ объ этомъ днѣ. — Ночи казней. 27

УЛИЦЫ, ДОМА И БАЗАРЫ.

Грязный видъ улицъ въ Константинополѣ. — *Жанръ*. — Слова Тэккерея. — Разочарованіе. — Видъ жителей. — Турки, армяне и арнауты. — Почтеніе къ женщинамъ и старцамъ. — Рынки. — Нравы небогатыхъ турокъ. — Ихъ дома. — Вечернія бесѣды на кровляхъ. — Женщины. — Удочки для туристовъ. — Базары. — Базаръ Невольничій или Авретъ Базаръ. — Базаръ Оружія. — Описаніе этого базара у Теофиля Готье 39

БАНИ, КОФЕЙНИ И РАЗСКАЩИКИ.

Что такое турецкая баня. — Омовеніе, похожее на пытку. — Артисты по банной части. — Комнаты отдохновенія. — Дни, проведенныя въ баняхъ. — Бани у женщинъ. — Кофейные дома. — Умѣренность. — Кофе и легенда о его открытіи. — Стихи Гафиза Эффенди въ честь кофе. — Что дѣлается въ турецкихъ кофейняхъ. — Разскащики. — Конкуренція поэтовъ и дервишей. — Новости въ Константинополѣ. — Страшныя исторіи. — Сказка о Нуреддинѣ и зломъ духѣ во образѣ женщины . 53

КЛАДБИЩА И УВЕСЕЛИТЕЛЬНЫЯ МѢСТА.

Общій видъ константинопольскихъ кладбищъ. — Кладбище въ Скутари. — Гулянья на кладбищѣ, и кейфъ по близости могилъ. — Курильщики. — Почтеніе къ мертвымъ. — Увеселительныя гулянья. — Пятьдесятъ долинъ константинопольскихъ. — Гулянье христіанъ и высшаго общества. — Гулянья чисто народныя. — Сладкія Воды въ Европѣ и Азіи. — Сады въ восточномъ вку-

Стран.

сѣ. — Трогательное преданіе о Махмудѣ Грозномъ и его одалыкѣ. — Сюжетъ, достойный лорда Байрона 79

ЗАГОРОДНЫЯ МѢСТА.

Поѣздка въ каикѣ по Босфору. — Лодочники въ Константинополѣ. — Кызъ-Кулесси, Башня Дѣвы или Башня Леандра. — Замокъ Румили-Иссари и Мысъ Казней. — Ункіаръ Скелесси и долина, въ которой стояли русскія войска. — Чортово Теченіе. — Дворецъ Саида-Паши. — Турки передъ дворцами сановниковъ. — Константинопольскія стѣны — Семибашенный Замокъ. — Ужасныя воспоминанія. — Яма для головъ и стоки для крови. — Угнетенные христіане. — Понятія сербовъ, грековъ и другихъ христіанъ о Стамбулѣ . 91

КОНСТАНТИНОПОЛЬ ВЪ НАЧАЛѢ НАСТОЯЩАГО 1855 ГОДА.

Старый и Новый Стамбулъ. — Что значитъ война для Константинополя. — Бѣдность и голодъ. — Видъ Босфора въ настоящемъ году. — Окрестности мечетей. — Пустота улицъ. — Нищета и наборы. — Первое прибытіе чужестранныхъ союзниковъ. — Анекдоты. — Ненависть христіанскаго населенія. — Надежды турокъ и разочарованіе. — Французы и англичане. — Скутари и Пера. — Постоянные и временные госпитали. — Турки и раненые союзники. — Письмо англійскаго офицера. — Сестры милосердія. — Миссъ Флоренсъ Нэйтингэль. — Заключеніе 105

ОГЛАВЛЕНІЕ КАРТИНОКЪ

КЪ ЖИВОПИСНЫМЪ ОЧЕРКАМЪ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

1. Константинополь со стороны и малое кладбище.
2. Входъ въ Босфоръ съ Чернаго моря.
3. Мечеть султана Солимана съ наружнаго двора.
4. Софійская мечеть.
5. Мечеть Махмуда II въ Топханѣ.
6. Топхана и Эски-Джами или старая мечеть.
7. Мечеть Ени-Джами.
8. Внутренность мечети Ахмеда I.
9. Мечеть султана Селима въ Скутари.
10. Рынокъ и фонтанъ близь Топханы.
11. Большой базаръ въ Константинополѣ.
12. Ауритъ базаръ или невольничій рынокъ.
13. Турецкая баня.
14. Внутренній видъ кофейни въ Константинополѣ.
15. Большое кладбище въ Скутари.
16. Долина Гёксу или воды небесной.
17. Сладкія воды въ Европѣ.
18. Леандрова Башня.
19. Румили-Иссари или замокъ въ Румеліи.
20. Ункіаръ Скелесси.
21. Дворецъ Саидъ-Паши на Босфорѣ.
22. Семибашенный Замокъ.
23. Городскія стѣны Константинополя.
24. Проходъ въ Балканахъ на границѣ Румеліи и Булгаріи.
25. Горный проходъ близь Андоса.
26. Проходъ въ Балканахъ.

Къ сожалѣнію издателя въ *русскія* надписи картинокъ, гравированныхъ *за границей*, вкралось довольно много опечатокъ. Читателямъ легко замѣтить и исправить эти опечатки.

ОБЩІЙ ВИДЪ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

[illegible]

Voyage de Decaen

En Espagne. Mars.

ВСТУПЛЕНІЕ.

О Константинополѣ и его обитателяхъ было столько писано на всѣхъ европейскихъ языкахъ, и писано лицами столь извѣстными въ литературно-ученомъ отношеніи, что каждая новая книга о предметѣ, по видимому, столь исчерпанномъ туристами, можетъ показаться трудомъ отчасти излишнимъ. Потому-то издатели сборника «Очерковъ», нынѣ представляемыхъ читателю, долгомъ считаютъ сказать нѣсколько словъ о значеніи своего предпріятія и о причинахъ, побудившихъ ихъ за него взяться.

Есть два способа описывать замѣчательные города земнаго шара: способъ ученый и способъ чисто артистическій. Въ ученомъ и даже учено-

артистическомъ отношеніи Константинополь имѣетъ уже своихъ живописцевъ, и въ Англіи, и у насъ въ Россіи, и во Франціи, и въ Германіи. Еслибъ мы имѣли въ виду представить нашимъ читателямъ, по возможности, увлекательное изображеніе всѣхъ частей этого города, всѣхъ его рѣдкостей и достопримѣчательностей, мы могли бы скомпилировать не одинъ толстый томъ, исполненный фактовъ всякаго рода. Еслибъ мы пожелали бесѣдовать о нравахъ жителей Константинополя, о печальныхъ и пагубныхъ чертахъ внутренняго управленія столицы Оттоманской Порты, мы бы не затруднились въ выборѣ матеріаловъ и подтвержденій нашихъ выводовъ новыми, несомнѣнными фактами. Но часть политическая, ученая и нравоописательная уже обработана писателями, можетъ быть, болѣе способными и опытными, нежели издатели настоящаго сочиненія.

По внутреннему убѣжденію издателей, имъ остается одна область несовсѣмъ разработанная и во многихъ отношеніяхъ не тронутая. Оставляя въ сторонѣ вопросы важные и глубокія наблюденія, они желаютъ остановиться на одномъ элементѣ древняго Стамбула, именно элементѣ поэтическомъ. Не помышляя ни о статистическихъ дан-

ныхъ, ни объ ученыхъ умозрѣніяхъ, они имѣютъ въ виду представить своимъ читателямъ «Живописный Константинополь» — и ничего болѣе. Съ этой цѣлью они дали въ своей книгѣ первое мѣсто рисовальщику; но изъ того не слѣдуетъ, чтобъ отстранивши самый текстъ на второй планъ изданія, они не придавали ему никакого значенія. Текстъ этотъ, по ихъ мнѣнію, долженъ служить необходимымъ дополненіемъ рисунковъ, такъ какъ, напримѣръ, поэтически составленное поясненіе къ картинамъ того или другаго великаго мастера помогаетъ зрителю проникнуть въ мысль художника, перенестись въ міръ, выбранный имъ для своего творенія. Поэзія Константинополя, города много страдавшаго и много разъ описаннаго, всѣмъ извѣстнаго и для всѣхъ таинственнаго, стоитъ того, чтобъ ее изображать не одной кистью, но и словомъ. Константинополь, по единогласному отзыву всѣхъ путешественниковъ, есть городъ чудесъ и странностей, грязи и великолѣпія, городъ облагодѣтельствованный природою, въ одно время и возвеличенный и униженный трудомъ человѣка. Съ своими необъятными мечетями и сонными водами, кипарисами и плѣнительными долинами, древними башнями и проливомъ, раздѣляющимъ двѣ части

свѣта, этотъ городъ поражаетъ странника, переноситъ его въ какой-то завѣтный, волшебный міръ, совершенно отличный отъ всего имъ дотолѣ видѣннаго. Здѣсь каждый шагъ туриста ведетъ его къ нечаянности, каждый взглядъ вокругъ себя переноситъ его въ завѣтныя области дѣтскихъ сказокъ и исторій изъ Тысячи Одной Ночи. Стамбулъ есть столица поэзіи восточной, точно также какъ Венеція есть столица средневѣковой Италіи, какъ Севилья, на зло Мадриту, всегда будетъ столицей испанской поэзіи. Всякій край, прославленный въ области фантазіи, имѣетъ въ себѣ подобные завѣтные уголки: старая Германія гордится Нюренбергомъ и Лейпцигомъ, отчизна Теньера и Рюиздаля имѣетъ Лейденъ и Антверпенъ, развалины Помпеи переносятъ человѣка нашего столѣтія въ завѣтный міръ древняго римскаго владычества. Посреди царственнаго Бенареса путникъ живѣе разумѣетъ величіе сумрачной Индіи, между тѣмъ какъ видъ Константинополя переноситъ зрителя къ идеямъ и воспоминаніямъ, въ которыхъ сказывается цѣлый сказочный міръ, загадочный, далекій, но плѣнительный.

Такого рода взглядомъ руководились издатели предстоящихъ очерковъ. Имѣя подъ рукой нѣ-

сколько новѣйшихъ сочиненій о Константинополѣ, припоминая разсказы старыхъ и настоящихъ туристовъ, освѣживъ въ своей собственной памяти все слышанное, видѣнное и прочитанное, они стремятся къ тому, чтобъ ихъ краткій трудъ служилъ нелишнимъ дополненіемъ къ рисункамъ здѣсь помѣщеннымъ. Имъ желательно, по возможности, перенести своего читателя въ ту область, о которой здѣсь говорится, въ тотъ край, о которомъ онъ такъ много слыхалъ съ дѣтства, въ тотъ городъ, къ которому нынѣ приковано вниманіе всего свѣта. Ихъ цѣль не имѣетъ въ себѣ ничего обширнаго и неопредѣленнаго, ихъ манера описаній не поразитъ ни тщательностью, ни мелочной подробностью. Немногими широкими чертами они будутъ пересказывать главнѣйшіе изъ чудесъ таинственнаго города, стараясь болѣе всего дѣйствовать на фантазію и на поэтическую воспріимчивость читателя. Въ полу-фантастическомъ мірѣ, къ которому они подступаютъ не безъ робости, иногда легенда значитъ болѣе, чѣмъ вѣрнѣйшая фотографія, а характеристическій анекдотъ яснѣе знакомитъ съ сущностью дѣла, нежели длинный рядъ цифръ и статистическихъ фактовъ. Господинъ Гредгриндъ, герой новаго романа Диккенса, вѣритъ въ факты,

и только одни факты, но мы, при нашемъ трудѣ, осмѣливаемся руководиться побужденіями совершенно противными всѣмъ убѣжденіямъ мистера Гредгринда. О томъ же, хорошо или дурно выполнили мы избранную задачу, представляется судить самому читателю.

Die Landmauern v. Konstantinopel

v. der Seite des Marmorthurmes

Τοῖχοι τῆς Κωνσταντινουπόλεως

Картина г. профессора Воробьева. — Огромность города. — Первыя впечатлѣнія при видѣ его съ моря. — Англійскіе воздухоплаватели и султанъ Селимъ. — Выгоды воздушнаго обзора. — Предмѣстія и моря. — Сераль, центръ столицы. — Общій видъ сераля. — Предположенія француза Турнефора. — Поэтическое впечатлѣніе, оставленное видомъ зданій сераля.

Изъ всѣхъ изображеній Константинополя, какіе намъ видѣть случалось, мы отдаемъ первенство картинѣ г. профессора Воробьева, знакомой Петербургу по прежнимъ Выставкамъ нашей Академіи Художествъ, а нынѣ, если не ошибаемся, находящейся въ одной изъ частныхъ галлерей столицы. Нашъ почтенный художникъ самъ себя превзошелъ въ названномъ твореніи и вполнѣ достигнулъ цѣли, къ которой стремился. Зритель, при видѣ его картины, испытываетъ слабое подобіе того ощущенія, съ какимъ европейскій путешественикъ въ первый разъ смотритъ на открывающійся передъ нимъ Стамбулъ съ его дворцами, минаретами, кіосками, башнями, тѣнистыми садами и укрѣпленіями. Море и небо выполненныя въ совершенствѣ, блещутъ, искрятся и очаровываютъ зрѣніе, между

тѣмъ какъ воображеніе, пораженное всей безпредѣльной роскошью природы, смущается вслѣдствіе безграничнаго величія всей сцены. Константинополь, какъ и всѣ восточные города, теряетъ, если его слишкомъ близко разсматриваютъ, за то, подобно всѣмъ восточнымъ городамъ, онъ выигрываетъ отъ отдаленія. Картина нашего профессора представляетъ намъ городъ Святаго Константина въ праздничномъ уборѣ, на праздничномъ разстояніи. Передъ ея дѣйствительностью блѣднѣетъ всякая фантазія, и память о всемъ произведеніи надолго остается въ памяти лицъ, даже имѣвшихъ случай своими глазами видѣть знаменитый городъ, и Босфоръ, и моря, около него сливающіяся.

«Константинополь надо смотрѣть съ моря» говорятъ всѣ путешественники, но можетъ быть не всякій изъ читателей знаетъ, что въ разное время находились туристы, смотрѣвшіе на городъ съ другаго, болѣе возвышеннаго *штандпункта*. Огромность Стамбула такова, и окрестности его такъ разнообразны, что ни съ высоты мачтъ, ни съ высокаго минарета нельзя глазомъ охватить всей мѣстности, на которой расположенъ городъ. Стоя на одной точкѣ, вы видите все, но не видите Чернаго моря; изъ центра города вы не можете обозрѣвать его плѣнительныхъ окрестностей; глядя на столицу отъ ея стѣнъ, путешественникъ видитъ десятки неболь-

шихъ и дивныхъ пейзажей, но теряетъ изъ виду главное. Имѣя въ виду такое неудобство, двое англійскихъ туристовъ, въ октябрѣ 1802 года, заблагоразсудили подняться на воздушномъ шарѣ, и благополучно окончивъ свое плаваніе, спустились въ Галатѣ, при огромномъ стеченіи правовѣрныхъ, пораженныхъ изумленіемъ. Султанъ Селимъ, потребовавши къ себѣ воздухоплавателей, спросилъ у нихъ, каковъ показался имъ городъ? «Между небомъ и землею не бывало и не будетъ подобнаго зрѣлища!» отвѣтили смѣлые путешественники.

Дѣйствительно, если вся восточная грязь скрывается отъ глазъ человѣка, смотрящаго съ моря на Константинополь, то въ какомъ же изумительномъ видѣ долженъ онъ былъ показаться тому, кто смотрѣлъ на него съ высоты весьма значительной? Море за моремъ, Европа и Азія, дворцы за дворцами и наконецъ необъятное собраніе оригинальнѣйшихъ зданій должны были представиться взгляду очарованныхъ воздухоплавателей! Если они предприняли свое восхожденіе, справившись съ картою города и припомнивъ событія столькихъ вѣковъ, событія совершавшіяся на томъ самомъ мѣстѣ, которое подъ ними раскидывалась, ихъ восторгъ не долженъ былъ знать предѣловъ! Не городъ, но собраніе городовъ и крѣпостей, съ ихъ цвѣтущими предмѣстіями и садами, на берегахъ

двухъ частей свѣта, представлялось ихъ зрѣнію, массы блестящихъ строеній тонули въ зелени, волшебное, пестрое великолѣніе Востока сказывалась въ тысячѣ испещренныхъ куполовъ, тонкихъ минаретовъ, башенъ и стѣнъ носившихъ слѣды европейской готической постройки, мечетей, напоминавшихъ собою времена древней Византіи, мечетей, когда-то бывшихъ христіанскими храмами. На азіатскомъ берегу лежало Скутари, какъ будто охраняемое поэтической башней Леандра, на послѣднихъ предѣлахъ Европы возвышались Пера и Галата, такъ называемыя предмѣстія, по своей огромности стоящія другаго названія, предмѣстія украшенныя садами и изящными дворцами новой постройки, пріютомъ дѣятельныхъ европейцовъ. И наконецъ, на широкомъ полуостровѣ, обнесенномъ каменными стѣнами, надъ Босфоромъ и Мраморнымъ моремъ, видѣнъ былъ, между зеленью, строй загадочныхъ, таинственныхъ строеній, около которыхъ возвышался куполъ Святой Софіи, строеній занимающихъ пространство цѣлаго города. Это Сераль, то есть дворецъ султановъ, средоточіе Константинополя.

Подобно тому какъ самый Стамбулъ представляетъ изъ себя блистательный образецъ восточной поэзіи, сераль султана, занимающій собою окончаніе полуострова, о которомъ здѣсь говорилось, мо-

жетъ назваться самымъ поэтическимъ угломъ всего Стамбула. Въ началѣ XVIII столѣтія французъ Турнефоръ предлагалъ разрушить до основанія серальскія зданія и на мѣсто ихъ воздвигнуть одинъ палаццо, въ родѣ Версали и Лувра, — но смѣемъ сказать, что нашъ французъ ошибался, какъ нельзя болѣе ошибаться. Не говоря уже о томъ, что всякое изъ серальскихъ зданій освящено историческими воспоминаніями, что даже малѣйшій изъ серальскихъ кіосковъ носитъ на себѣ слѣдъ прихотливой восточной архитектуры, все это собраніе стѣнъ, стѣнокъ, дворцовъ, бесѣдокъ, павильоновъ, парковъ и башень какъ нельзя лучше гармонируетъ съ мѣстностью. Несравненная, поражающая красота Босфора, Мраморнаго моря, княжескихъ острововъ и азіатскаго берега, всѣхъ этихъ мѣстъ, открывающихся съ серальскаго мыса, непремѣнно подавитъ собою всякій дворецъ, будь онъ хотя въ нѣсколько разъ болѣе Лувра, — но серальскія зданія не подавлены красотами окрестной природы. За нихъ поэзія и таинственность, за нихъ самая причудливость постройки, за нихъ область фантазіи, за нихъ вся исторія Оттоманской Порты. Въ этомъ лабиринтѣ неправильныхъ зданій, частію утонувшихъ въ роскошной зелени, частью почти купающихся въ морѣ, есть своя красота, какой не уловить даровитѣйшему зодчему. Зритель ви-

дитъ немногое, но невольно приковываются и его глазъ и его сердце. Онъ видитъ какъ съ высоты террасъ воздушные сады смотрятся въ тихую воду, какъ посреди темной зелени кипарисовъ тамъ и сямъ рисуется золотая кровля кіоска, какъ въ интервалѣ между двумя башнями, тянется стѣнка съ зубцами, на которыхъ когда-то красовались головы мятежныхъ янычаровъ. Онъ знаетъ, что за этой стѣной — все тайна, что одинъ шагъ за ея предѣлы есть кровавое преступленіе. Передъ его воображеніемъ возникаютъ исторіи великихъ султановъ и коварныхъ султаншъ, сцены пировъ и казней, адъ и рай Корана. Міръ фантазіи сливается съ дѣйствительностью, исторія принимаетъ видъ поэмы и картина носящаяся передъ глазами превращается въ ослѣпительную галлюцинацію. Еслибъ на мѣсто серальскихъ домиковъ высилось нѣчто въ родѣ Лувра, туристъ не извлекъ бы ничего изъ такого правильнаго, но совсѣмъ не восточнаго зрѣлища. Французъ Турнефоръ могъ быть умнымъ человѣкомъ, но мы не поручили бы ему никакихъ работъ съ живописною цѣлью. Господинъ Турнефоръ по всей вѣроятности слишкомъ любилъ александрійскій стихъ, три единства, пудреные парики и стриженыя аллеи.

МОРЕ, ВОДЫ И ЛЕГЕНДЫ,

КЪ НИМЪ ОТНОСЯЩІЯСЯ.

Море въ Константинополѣ. — Его значеніе. — Слова одного туриста о водахъ въ Стамбулѣ. — Меланхолія. — Мрачныя сцены на Босфорѣ. — Легенда о рыбакѣ Искандерѣ и о любимой султаншѣ султана Ахмета.

«Вода — говоритъ одинъ изъ послѣднихъ путешественниковъ — составляетъ силу и спасеніе Константинополя. Благодаря своему проливу, своимъ каналамъ, своему порту и морямъ, омывающимъ его подножіе, Стамбулъ не раздѣлилъ и не раздѣлитъ участи своихъ древнихъ сестеръ Ниневіи, Пальмиры и Вавилона. Греческая Имперія пала, но столица ея не пала съ нею, Турція погибаетъ вмѣстѣ съ мусульманствомъ, которое отжило свой вѣкъ, но мусульманство исчезнетъ, а Константинополь, каравансерай Востока, останется прежнимъ блистательнымъ Константинополемъ. Море моетъ и исцѣляетъ его раны, море причиною тому, что онъ сто разъ возрождался изъ пепла, подобно фениксу и сто разъ еще будетъ возрождаться изъ пепла; голубыя волны Босфора представляютъ изъ

себя какъ бы благородную кровь, льющуюся въ жилахъ нестарѣющаго города.»

Вода, прибавимъ и мы отъ себя, составляетъ величайшую красоту Константинополя. Со своимъ лѣсомъ мачтъ, кипарисовъ и минаретовъ красавецъ Востока напоминаетъ собой Венецію, по тишинѣ, таинственности и водному изобилію. Всюду вторгается голубое море, всюду возвышаетъ оно величіе общей картины, всюду оно искрится и нѣжится надъ ярко-голубымъ небомъ, всюду является оно для оживленія мѣстности и приданія каждому клочку города особенной роскошной физіономіи. Въ сотнѣ разныхъ видовъ омываетъ оно Константинополь, вбѣгая въ его средину заливами, принимая въ себя рѣчки, тихо катящіяся по предмѣстіямъ, огибая мысы и островки, застроенные древними укрѣпленіями, подходя къ подножію кіосковъ и башень, и наконецъ сливаясь съ горизонтомъ на двухъ разныхъ пунктахъ. Море, такъ украшающее Неаполь, Геную, Венецію, не выдержитъ и отдаленнаго сравненія съ константинопольскими водами. Въ самой долгой срокъ не изучишь воды въ Константинополѣ, говорилъ одинъ знаменитый художникъ, одаренный великою понятливостью въ дѣлѣ красотъ природы. Тутъ что шагъ то новыя картины во всевозможныхъ родахъ, картины, надъ которыми цѣлые дни можно застояться. Нечего говорить о видѣ

двухъ морей, о проливѣ, омывающемъ подножіе дворцовъ султанскихъ, тысячи пунктовъ не перерисованныхъ никѣмъ и можетъ быть замѣченныхъ немногими, повсюду привлекаютъ къ себѣ глаза художника. Тамъ небольшія рѣчки, расширенныя искусствомъ и развѣтвляющіяся на десятки притоковъ передъ впаденіемъ въ море, блещутъ и сверкаютъ посреди сумрачной зелени, тамъ громадная мечеть таинственно смотрится въ неподвижный каналъ, по которому мелькаютъ быстрые каики, тамъ, гдѣ нибудь на поворотѣ улицы, глазу представляется тихая водная поляна, словно забытая жителями города, незастроенная по сторонамъ и внезапно переносящая путника въ какой-то особенный міръ грезъ и мечтаній. Восточная лѣнь вполнѣ понятна на этихъ берегахъ, о которыхъ нельзя вспоминать равнодушно, разъ ихъ увидѣвши. Мнѣ кажется, что никакое душевное страданіе не останется неуспокоеннымъ послѣ такихъ зрѣлищъ; за то человѣку въ слишкомъ веселомъ расположеніи духа трудно сохранить свое живое настроеніе, если онъ побродитъ нѣсколько времени по берегу водъ, омывающихъ Константинополь. Отъ знойнаго климата, отъ мѣстности пересѣченной холмами и отъ другихъ мнѣ неизвѣстныхъ причинъ, на Босфорѣ всегда почти тихо, а рѣки въ него впадающія кажутся будто погруженными въ какое-то лѣнивое усыпле-

ніе. Видъ этихъ рѣкъ и морскихъ притоковъ съ кипарисами на берегахъ повергаетъ душу въ такую сладкую меланхолію, которой передать словами нѣтъ никакой возможности.

Не должно думать однакоже чтобы Босфоръ съ его притоками могъ наводить только однѣ сладко-меланхолическія мысли. Мы на Востокѣ, гдѣ часто буря слѣдуетъ за совершенною тишиною и часы наслажденія безпрестанно смѣняются часами ужаса. Много тайнъ и страшныхъ тайнъ скрыто въ волнахъ чуднаго моря, передъ этими тайнами ничто поэтическія легенды о главномъ каналѣ въ Венеціи. «Если вы любите сильныя ощущенія (пишетъ одинъ изъ даровитыхъ русскихъ путешественниковъ (*) имѣющій небольшое пристрастіе къ кудреватому слогу), то можно надѣяться, что ночью, катаясь въ босфорской гондолѣ, услышите удушенныя стенанія, и раздѣлите съ луной Босфора горесть быть свидѣтелемъ смертной драмы и безсильнаго боренія невидимой преступницы, когда два нѣмые исполнителя тайной казни выбрасываютъ ее въ волны съ хладнокровіемъ моряка, бросающаго лишній баластъ; вы услышите послѣдній смертный крикъ, раздирающій вздохъ,

(*) Въ 1835 году.

Tschamé mel Eski Tschamesi

oder der alten Moschee

Пе..ка и Эски-Джами или старая мечеть.

коимъ заключилась упоительная драма женской жизни, — и траурное плесканіе волнъ, когда пучина лѣниво обниметъ свою жертву, и измѣнница луна озолотитъ дрожащими арабесками ея влажный гробъ.» Въ справедливости подобныхъ показаній мы сомнѣваться не можемъ, если только примемъ въ соображеніе домашнюю жизнь мусульманъ, ихъ взглядъ на женщину, ихъ религію, столь противную смягченію нравовъ, ихъ необузданныя страсти и самовластіе. Слѣдующее ниже происшествіе есть истинный разсказъ рыбака, бывшаго свидѣтелемъ одной изъ подобныхъ казней, и если читатель не посѣтуетъ за нашу словоохотность, то мы можемъ передать ему на этихъ же страницахъ другую исторію, болѣе многосложную, безъ сомнѣнія истинную и давно уже поступившую въ разрядъ мусульманскихъ легендъ. Она описана въ стихахъ восточными поэтами, въ кофейныхъ ее разсказываютъ лучшіе сказочники Стамбула, и по нашему мнѣнію, она вполнѣ достойна такой чести.

Много лѣтъ тому назадъ, при султанѣ Ахметѣ третьемъ бѣдный, но честный рыбакъ, Искендеръ по имени (константинопольскіе рыбаки принадлежатъ къ безкорыстнѣйшей и гостепріимнѣйшей кастѣ изъ всего мусульманскаго населенія), закидывая свои сѣти при впаденіи прѣсныхъ водъ въ

море (*), примѣтилъ на поверхности воды длинный мѣшокъ, увлекаемый волнами. Рыбакъ слишкомъ хорошо зналъ тайны Стамбула и догадывался о томъ, что такое въ мѣшкѣ, — но въ груди его билось твердое сердце, безстрашное передъ опасностями. А потому, произнеся имя пророка, онъ остановилъ мѣшокъ на водѣ и съ усиліемъ втащилъ его въ свою лодку.

Ночь была темна какъ могила, но не для глаза привычнаго къ сумраку. Развязавъ мѣшокъ, Искендеръ увидѣлъ въ немъ женщину красоты ослѣпительной, женщину еще показывавшую признаки жизни. Недолго продолжалось оцѣпенѣніе красавицы, она вскорѣ пришла въ себя, испустила крикъ ужаса, но увидя передъ собой человѣка въ почтительномъ положеніи и распознавъ мѣстность, отчасти успокоилась. Тогда Искендеръ, склонившись передъ незнакомкою, сказалъ ей: я бѣдный рыбакъ, недостойный быть въ твоемъ присутствіи, о дѣвица! Хижина моя недалеко отсюда, въ ней есть молоко, финики, пшено, и вѣрный пріютъ всякому,

(*) Долина Прѣсныхъ или Сладкихъ водъ, украшенная нынѣ дворцами, фонтанами и кіосками, составляетъ любимое гульбище турокъ по пятницамъ и въ байрамъ. По этой долинѣ текутъ двѣ рѣки: Аль-бей-сою и Кеатъ-хане-сою, обѣ вливаются въ море. Часть этой долины изображена на одной изъ картинъ, приложенныхъ къ нашему изданію.

Frommel & Wachtelesse

Die Moschee Mahmud II. in Topchane

Мечеть Махмуда II. въ Топханѣ.

кто того пожелаетъ. «Вези меня въ твою хижину — сказала незнакомка — мнѣ здѣсь холодно. Я султанша Мирма, любимая супруга высокаго султана Ахмета. Ревность соперницы колетъ какъ игла, но въ гаремѣ она поражаетъ подобно кинжалу. Когда нашъ великій государь отправился на войну, пѣвица Зейнебъ, подкупивъ бостанджи-баши и двухъ палачей, вмѣстѣ съ ними бросила меня въ море. Укрой меня до того дня, когда славный султанъ вернется изъ похода противъ Персовъ. Мщеніе мое придетъ медленно, но придетъ въ свою пору.»

Выслушавъ такія слова, Искендеръ повергнулся ницъ, обѣщая хранить тайну и призывая въ подтвержденіе своего обѣщанія священный слѣдъ ноги пророка и гробницу Мосуль-Гафеда. Онъ отвезъ спасенную гостью въ свою хижину и самъ провелъ ночь на воздухѣ возлѣ воротъ, — когда же вѣчное солнце, *родитель твердости и умныхъ думъ*, поднялось на небосклонъ, онъ ушелъ въ городъ, купилъ тамъ бѣдный еврейскій нарядъ и отнесъ его своей султаншѣ и повелительницѣ.

Долго пришлось Искендеру скрывать у себя жертву серальскихъ интригъ, долго не возвращался Ахметъ изъ похода, много разъ черноглазая Мирма говорила своему избавителю: «будемъ ждать — цвѣтокъ алоэ ждетъ двадцать пять лѣтъ прежде

чѣмъ улыбается солнцу. Вооружимся терпѣніемъ — терпѣніе прогрызаетъ босфорскій мраморъ; придетъ день и намъ съ тобою, о Искендеръ.» И наконецъ наступитъ такъ долго жданный день: Ахметъ воротился съ побѣдоноснымъ войскомъ. Переждавши день или два, султанша отправила рыбака къ *гекиму-баши* (придворному доктору) снабдивъ его перстнемъ, по которому преданный рабъ долженъ былъ узнать свою повелительницу. Увидавши перстень, врачъ поспѣшилъ за Искендеромъ.

Удивленіе гекима-баши, при видѣ первой султанши, которую весь сераль считалъ утопившеюся въ припадкѣ горячки (Зейнебъ и бостанджи-баши умѣли обдѣлать все искусно) было и безпредѣльно и радостно. «О свѣтъ очей владыки нашего!» сказалъ врачъ: «для чего же ты не поспѣшишь пролить солнечный лучь на увядшее сердце Ахмета побѣдоноснаго? Вѣсть о твоей кончинѣ поразила султана, подобно злотворной молніи. Онъ не спитъ ночей и дни проводитъ надъ цистерною, въ которую, какъ говорила ядовитая твоя соперница, ты бросилась въ припадкѣ безумія!» — «Я хочу дождаться новолунія, счастливаго дня, въ который слѣдуетъ начинать всѣ предпріятія — возразила султанша — «ступай же въ сераль, положи на губы печать молчанія, и устрой такъ, чтобы въ день новой луны меня безпрепятственно допустили къ

Kimilos dir

Kumili - Hissar

oder das Schloss von Kumelien

Pyrnini - Tuccapio

oder Παρεκκλησιον Pyrnesium.

цистернѣ въ тѣ самые часы, когда Ахметъ меня оплакиваетъ.»

Насталъ наконецъ день новолунія. Султанъ Ахметъ, гуляя по серальскому саду въ опредѣленный часъ, по обыкновенію, подошелъ къ бездонному колодцу, закрытому, по его повелѣнію, плитами изъ чернаго мрамора. Здѣсь, по его мнѣнію, кончила свои дни единственная женщина имъ любимая. Ахметъ нагнулся къ камню, произнося молитву, — въ это время сухіе листы зашелестили вблизи и образъ стройной женщины подъ покрываломъ представился глазамъ завоевателя. «Кто смѣетъ ходить сюда, когда я здѣсь молюся?» спросилъ повелитель правовѣрныхъ. — «Я смѣю!» отвѣтила любимая султанша и откинула покрывало.

Долго было бы описывать изумленіе Ахмета и потомъ восторги. Султанъ былъ правосуденъ какъ истинный сынъ Османа, но стремясь наказать Зейнебъ и ея преступныхъ помощниковъ, онъ все таки пожелалъ напередъ, чтобъ главная преступница сама созналась. Съ этой цѣлью онъ скрылъ Мирму въ одномъ изъ отдаленныхъ строеній, а самъ послалъ двухъ нѣмыхъ служителей въ помѣщеніе Зейнебъ, этимъ посольствомъ приглашая ее къ себѣ. Трудно выразить восторгъ злой красавицы, принявшей какой поступокъ за начало своего будущаго могу-

щества. Нарядившись пышнымъ образомъ и украсивъ свои бѣлокурые волосы круглыми чорными украшеніями, пѣвица Зейнебъ вошла въ таинственную комнату, въ которой султанши и одалыки обыкновенно дожидались прихода повелителя правовѣрныхъ.

Мертвая тишина царствовала повсюду, слышенъ былъ только прибой волнъ у серальскаго мыса, въ залѣ испещренной арабесками горѣла только одна лампада и трепетный свѣтъ ея отражался въ огромномъ зеркалѣ, подаренномъ султану Ахмету венеціанской республикой. Къ этому зеркалу подошла пѣвица Зейнебъ, гордая своей красотою, и стала любоваться на свой тюрбанъ — будто свитый изъ перьевъ колибри. И вдругъ она испустила страшный крикъ, а щеки ея покрылись мертвою блѣдностью. Въ зеркалѣ появилась тѣнь умерщвленной султанши, руки ея, поднятыя кверху, будто призывали небесное мщеніе на голову своей губительницы. «Прости, прости меня!» возопила Зейнебъ, падая на колѣни. Но привидѣніе подошло къ ней и сказало глухимъ голосомъ: — «*Я* прощаю тебя, но люди тебя не простятъ, и Богъ тебя не прощаетъ!» Султанъ Ахметъ вошелъ въ эту минуту и потребовалъ отъ Зейнебъ, чтобъ она назвала всѣхъ своихъ помощниковъ по утопленію Мирмы.

Bremmel & Winkelmann

Die Moschee Yeni-Dschami

Новая Янн-Джамм.

На другой день нѣсколько обезглавленныхъ труповъ было брошено въ Босфоръ, ночью, но трупа пѣвицы Зейнебъ не было между казненными. Ее спустили въ бездонную цистерну на веревкѣ, съ фонаремъ и камнемъ, а спустивши, на вѣки заложили камнями отверзтіе колодца. «Долгимъ страданіемъ, мучительной смертью поплатилась завистливая пѣвица за свое преступное дѣло.»

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЯ МЕЧЕТИ.

Die Sophienmoschee

Gepsückais . Wezemb.

Трудность доступа въ мечети. — Внутренній ихъ видъ. — Отсутствіе благолѣпія. — Народъ, наполняющій мечети. — Публичная благотворительность. — Когда лучше всего смотрѣть мечети. — Ихъ архитектура. — Епи-Джами — Старая мечеть, мечеть Махмуда въ Топхане. — Мечети передѣланныя изъ греческихъ храмовъ. — Айя-Софія. — Магометъ-султанъ въ Софійскомъ соборѣ. — Мечеть Ахмета. — Ея внутренность въ день истребленія янычаръ. — Нѣсколько словъ объ этомъ днѣ. — Ночи казней.

Для христіанина труденъ доступъ во внутренность мечетей; впрочемъ, не мѣшаетъ сказать и то, что за исключеніемъ Айя-Софіи и небольшаго числа другихъ храмовъ, когда-то бывшихъ христіанскими храмами и потому еще носящихъ слѣды древняго изящества, внутренность мечетей не соотвѣтствуетъ ихъ наружности. Глазу зрителя, при входѣ въ мечеть, представляется одна огромная комната почти безъ всякихъ украшеній, кромѣ имени Аллаха, начертаннаго на стѣнахъ, массивныхъ канделабровъ въ небольшомъ количествѣ и возвышеннаго мѣста, на которомъ молится султанъ

и приближенные султана, а повелитель правовѣрныхъ хотя разъ въ году бываетъ въ каждой изъ значительныхъ мечетей города. Полъ мечети обыкновенно покрытъ цыновками, на которыхъ стоятъ, сидятъ, обѣдаютъ и спятъ многочисленныя толпы нищихъ, бродягъ, и всякаго рода особъ, не желающихъ добывать себѣ пропитаніе честнымъ трудомъ, а считающихъ за лучшее оставаться на попеченіи мечети и посѣщающихъ ее благотворителей. Каждая почти мечеть обладаетъ домами, деньгами, полями въ изобиліи, но за то, каждая прокормливаетъ множество бѣдняковъ, — ибо турки, при всѣхъ своихъ великихъ порокахъ, весьма склонны на доброе дѣло. Восточная лѣнь и восточное неряшество дѣлаютъ внутренній видъ мечети противнымъ для христіанина, привыкшаго уважать благолѣпіе своихъ храмовъ. Обряды богослуженія совершаются торопливо, а правовѣрные видимо тяготятся необходимостью стоять въ правильныхъ линіяхъ впродолженіи немногихъ молитвъ. Исполнивъ свой долгъ, они садятся на корточки или ложатся по угламъ, спятъ и бесѣдуютъ, а неимущая часть посѣтителей съ нетерпѣніемъ поджидаетъ раздачи обѣда. Если мы возьмемъ въ соображеніе, что въ Константинополѣ до 60,000 народа кормится обѣдомъ отъ мечетей, то легко можемъ себѣ представить шумъ и безпорядокъ, происходящія въ окре-

стностяхъ святыхъ зданій въ часъ трапезы. Вечеромъ, внутренность мечетей украшается лампами, которыя привѣшиваются къ длиннымъ проволокамъ и линіямъ, идутъ по разнымъ направленіямъ, подобно нашимъ бумажнымъ фонарямъ при иллюминаціи садовъ.

За то путешественникъ, который, не желая проникать во внутренность мусульманскихъ храмовъ въ часъ молитвы и угощенія, будетъ подходить къ мечетямъ въ рѣдкіе часы совершенной тишины, испытаетъ нѣсколько ощущеній на вѣки неизгладимыхъ изъ памяти. Эффектъ, производимый колоссальными куполами, тонкими минаретами, и наконецъ всею массою стѣнъ и пристроекъ, составляющихъ корпусъ каждой мечети, снова перенесетъ его въ сказочныя области чистой фантазіи, о которыхъ мы говорили недавно. Есть свой несомнѣнный и до крайности оригинальный элементъ въ мусульманской архитектурѣ, а мечети, построенныя Ахметомъ, Солиманомъ и Махмудомъ II, не только отличаются грандіозностью стиля, но и вполнѣ согласуются съ своимъ назначеніемъ, по крайней мѣрѣ по наружности. Куполъ, громоздящійся на куполъ, стѣны надъ стѣнами, ряды рѣшотчатыхъ оконъ надъ окнами, смѣлыя аркады повсюду и надо всѣмъ этимъ острые минареты, кажущіеся чрезвычайно высокими по причинѣ своей тонкости, ми-

пареты будто уносящіеся въ небо, составляютъ одинъ ансамбль, громадный и таинственный въ то же время. Къ этому надо прибавить, что строители мечетей, подобно всѣмъ обитателямъ знойныхъ странъ, обладали несомнѣннымъ пониманіемъ всего живописнаго въ своемъ дѣлѣ. Ни одна почти изъ мечетей не стоитъ на некрасивомъ мѣстѣ, ни одна изъ нихъ не представляетъ безотрадной глазу массы каменьевъ: по всѣмъ направленіямъ, на дворахъ храма, во всѣхъ близь-лежащихъ уголкахъ, возвышаются купы густолиственной зелени и пирамидальныя формы темныхъ кипарисовъ. Мечети, стоящія у воды, выигрываютъ чрезвычайно отъ ея близости; чтобъ оцѣнить справедливость словъ нашихъ, читателю стоитъ только вглядѣться въ изображеніе мечети Ени-Джами или мечети Эски-Джами или «старой», или мечети Махмуда II въ Топхане, расположенной необыкновенно счастливо и построенной съ несомнѣннымъ изяществомъ.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ и съ горькой слезою на глазахъ подходитъ каждый христіанинъ къ мечетямъ, устроеннымъ изъ древнихъ греческихъ храмовъ, изъ тѣхъ храмовъ, гдѣ когда-то тысячи нашихъ восточныхъ собратій благоговѣйно молились, гдѣ преклоняли свои колѣна властители Греческой Имперіи и гдѣ наши родные славяне, составлявшіе гвардію этихъ монарховъ, принимали

Kinkles dir.

Moschee des Sultan's Soliman.

vom äussern Hof.

Мечеть Султана Солиманна

Съ наружнаго двора

Святое Крещеніе. Не здѣсь и не въ бѣглыхъ очеркахъ Стамбула удобно распространяться о чувствахъ, возмущающихъ туриста при взглядѣ на храмъ Святой Софіи, на храмъ Богоматери (нынѣ мечеть Фатихъ-Джами), въ которомъ была гробница послѣдняго изъ Палеологовъ, на храмъ Спасителя (мечеть Кехріе-Джами), построенный Юстиніаномъ, возобновленный Комненами и заключавшій въ себѣ чудотворный образъ Святой Дѣвы, писанный евангелистомъ Лукою! Отрадно думать, однако же, что мусульмане, столь долго ставившіе себѣ въ обязанность разрушать огнемъ и мечемъ всѣ слѣды христіанства, при завладѣніи Константинополемъ, были поражены великолѣпіемъ многихъ храмовъ до того, что пріостановили свое варварство. Злѣйшій врагъ имени Христова, покоритель Византіи, ворвавшись, послѣ битвы, во внутренность софійскаго храма, опустилъ голову и нѣсколько минутъ пробылъ въ благоговѣйномъ молчаніи. Одинъ турокъ, не замѣчая присутствія халифа, занимался разрушеніемъ мозаики на церковной стѣнѣ — Магометъ II ударилъ его мечомъ и запретилъ грабителямъ продолжать ихъ дѣло.

Другія историческія воспоминанія, болѣе къ намъ близкія по времени, неразлучны съ видомъ многихъ константинопольскихъ мечетей. Здѣсь, въ мечети султана Ахмета, внутренность которой изображена

въ нашихъ рисункахъ, въ памятный для Стамбула день 4 іюня 1826 года, водружено было знамя пророка, Санджакъ-Шерифъ, «кипарисъ побѣдъ, зеленое знамя калифовъ.» Послѣдній день янычаръ наступилъ и преемникъ великихъ калифовъ, одержимый духомъ гнѣва, рѣшился на ударъ неслыханный. Изо ста тысячъ янычаръ, наполнявшихъ Константинополь, двадцать пять тысячъ опрокинуло котлы (*) и рѣшилось на открытый мятежъ, остальные ждали своего часа, видимо выказывая ненависть къ султанскимъ нововведеніямъ. Силы Махмуда состояли изъ нѣсколькихъ недавно сформированныхъ регулярныхъ полковъ, матросовъ и батарей, обученныхъ европейскими офицерами. Янычары считали на содѣйствіе бродягъ и носильщиковъ Стамбула, султанъ вѣрилъ въ Санджакъ-Шерифъ и свою непреклонность. Съ развитіемъ священнаго знамени началось наступленіе войскъ, отъ мечети Ахмета къ Атмейданской площади и казармамъ янычаровъ. Султанъ смотрѣлъ на всю трагедію изъ

(*) Для янычарской *орты* котелъ, въ которомъ варился плавъ, былъ тѣмъ же, чѣмъ для европейскаго батальона его знамя. Котлы торжественно носились и въ парадахъ и на полѣ битвы, изображая символъ братства. При мятежѣ, возмутившіяся орты опрокидывали свои котлы, выражая тѣмъ желаніе не принимать пищи до тѣхъ поръ, пока ихъ требованія не получатъ удовлетворенія.

Belloc dir

Sultan Selim's Moschee
in Scutari
Мечеть Султана Селима
въ Скутари.

кіоска въ серальскихъ строеніяхъ, внутри мечети помѣщались улемы и визирь съ муфтіемъ. Вооруженный народъ толпами бѣжалъ поклониться священному знамени и ежеминутно усиливалъ собою ряды защитниковъ порядка. Населеніе города ненавидѣло янычаръ за ихъ дерзость и своеволіе.

Янычарское войско такъ привыкло въ уступчивости правительства, что не хотѣло вѣрить въ возможность борьбы продолжительной. Никакихъ мѣръ не было взято, когда вѣсть о наступленіи и о Санджакѣ-Шерифѣ коснулась ушей мятежниковъ. Безъ порядка, безъ команды, безъ начальниковъ нѣкоторыя орты кинулись изъ казармъ на большую диванскую улицу, но встрѣченные огнемъ изъ орудій, отступили на площадь и столпились на ней какъ стадо, представляя вѣрную цѣль ядрамъ и картечи. Казармы, окружавшія площадь, были подожжены, между тѣмъ какъ войско и народъ, ворвавшись отовсюду, рѣзали мятежниковъ, почти безъ сопротивленія. Все дѣло кончилось около полудня, на атмейданской площади горами лежали янычарскіе трупы, числомъ до десяти тысячъ, но дѣло уничтоженія не кончилось съ погашеніемъ мятежа. За открытой борьбою послѣдовало мщеніе, чисто восточное, безжалостное, неумолимое и ненасытное мщеніе. Палачи стаями бросились на дома принадлежавшіе янычарамъ, вторгались въ харемы лицъ, имѣвшихъ

сношенія съ янычарами, рѣзали и душили кого хотѣли, а трупы кидали въ воду или свозили на атмейданскую площадь. Всякій изъ жителей города имѣлъ право приставать къ мстителямъ, указывать виновныхъ, жечь, убивать и грабить. Нѣсколько дней Стамбулъ походилъ на одно огромное мѣсто казни — ночи были и того страшнѣе: всѣ мечети были иллюминованы, въ разныхъ частяхъ города пылали дома мятежниковъ, тѣла валились въ Босфоръ сотнями, изъ всего константинопольскаго населенія только одни палачи не были объяты ужасомъ, ибо въ ту страшную пору достаточно было ошибки, предлога, доноса со стороны врага для того, чтобъ погубить цѣлую толпу невинныхъ. Въ теченіи одной недѣли, въ Босфоръ было брошено 25,000 труповъ, не считая янычарскихъ женъ, утопленныхъ во время переѣзда на азіатскій берегъ. Когда сильный южный вѣтеръ перемѣнилъ теченіе Босфора, многія тѣла были обратно принесены моремъ, воздухъ заразился, и народъ долженъ былъ на довольно долгое время отказаться отъ рыбы.

Das Innere der Moschee Achmed I

Внутренность мечети Ахмеда I

УЛИЦЫ, ДОМА И БАЗАРЫ.

Markt bei Eminönü zu Tophane

Рынокъ и фонтанъ близь Топханы.

Грязный видъ улицъ въ Константинополѣ. — *Жанръ.* — Слова Тэккерея. — Разочарованіе. — Видъ жителей. — Турки, армяне и арнауты. — Почтеніе къ женщинамъ и старцамъ. — Рынки. — Нравы небогатыхъ турокъ. — Ихъ дома. — Вечернія бесѣды на кровляхъ. — Женщины. — Удочки для туристовъ. — Базары. — Базаръ невольничій или Авретъ базаръ. — Базаръ оружія. — Описаніе этого базара у Теофиля Готье.

Надо имѣть не малый художническій тактъ и значительное умѣнье открывать живописную сторону предметовъ для того, чтобъ, проникнувъ во внутренность Константинополя, не возмутиться душою. Части города, съ моря кажущіяся монументальными, поражаютъ своей мизерностью вблизи, между тѣмъ какъ нечистота тѣсныхъ улицъ, отвратительный запахъ, нескладныя кучи бѣдныхъ хижинъ по всѣмъ направленіямъ и наконецъ стаи отвратительныхъ собакъ, грызущихся на всякомъ перекресткѣ, мало по малу разрушаютъ иллюзіи путешественника, склоннаго къ иллюзіямъ. Чтобы полюбить Стамбулъ въ его подробностяхъ, надо

любить *жанръ* въ живописи и не требовать отъ Востока того, чего Востокъ дать не можетъ. Находились туристы, по видимому, не очень сантиментальные, на которыхъ близкое знакомство съ столицей Оттоманской Порты наводило или самое безотрадное или насмѣшливое чувство. Тэккрей, поэтъ «Базара Тщеславія» и біографъ семейства Ньюкомовъ, не могъ переварить первыхъ своихъ впечатлѣній послѣ того, какъ ему пришлось, оставивъ корабль, перейти отъ панорамы Босфора къ Константинопольскимъ улицамъ. Кіоски, восхищавшіе издали его глазъ, оказались безобразными постройками изъ гнилаго дерева, зубчатыя стѣнки, такъ граціозно выглядывавшія на синее море изъ-за моря зелени, походили вблизи на стѣну развалившейся и самой неопрятной конюшни, домики съ плоскими, крышами, живописно лѣпившіеся по скатамъ холмовъ, представляли изъ себя одну кучу грязи, отъ которой пьяный ирландецъ отшатнулся бы съ ужасомъ. Городъ, за исключеніемъ немногихъ уголковъ, напоминалъ собой театральную декорацію, прелестную вдали, а въ двухъ шагахъ отъ зрителя представлявшую одну массу масляныхъ пятенъ, грубаго полотна, потрескавшейся краски, аляповатыхъ орнаментовъ! Ничего каменнаго, прочнаго, постояннаго, вѣчнаго, чистаго, безукоризненно-изящнаго! Каравансерай Востока глядитъ

настоящимъ каравансераемъ, кочевымъ таборомъ кочевой труппы актеровъ, наряженныхъ въ потертые, изодранные, полинялые восточные наряды! Какое разочарованніе, какой переходъ отъ заоблочныхъ пространствъ къ грязи!

Стамбулъ дѣйствительно грязенъ, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но если художникъ (даже и лишенный такта на изящное) долгомъ считаетъ восторгаться видомъ оборваннаго лазарони или лазаронскихъ притоновъ въ Неаполѣ, то мы не видимъ никакой причины, отчего бы ему быть такъ строгимъ къ Константинополю и его обитателямъ. Тамъ гдѣ Орасъ Верне и многіе другіе живописцы огромнаго дорованія находили себѣ сюжеты и этюды, не совсѣмъ позволительно подымать носъ и мѣрить каждый предметъ европейскою мѣрою. Какъ въ уличной, такъ и въ частной жизни стамбульскихъ обитателей есть тысячи разнородныхъ элементовъ, стоящихъ изученія; восточный человѣкъ есть восточный человѣкъ, а не странствующій актеръ въ чалмѣ, съ длинною трубкою и вѣчно свирѣпымъ видомъ. Восточный человѣкъ не всегда носитъ чалму, не всегда куритъ трубку, свирѣпый же видъ принимаетъ весьма рѣдко. Жители Стамбула и даже простолюдины поражаютъ скромной важностью своей наружности, и когда ихъ языкъ сдѣлается понятенъ туристу, онъ под-

мѣтитъ въ нихъ много добрыхъ качествъ, въ особенности же юмора, неизмѣнно важнаго, простодушнаго, глубомысленнаго юмора. Сцены, встрѣчающіяся путешественнику на улицахъ, начнутъ его интересовать, когда смыслъ ихъ станетъ ему понятенъ. Его поразитъ почтительность, съ какою турокъ даетъ дорогу старику, женщинѣ, дитяти, даже просто человѣку, который почему-то ему покажется ученымъ человѣкомъ. Публичные писцы съ сѣдыми бородами, сидящіе въ бѣдныхъ своихъ лавочкахъ, никогда не подвергнутся насмѣшкѣ или грубому слову отъ проходящаго — они умѣютъ писать, около нихъ лежитъ одна или двѣ толстыя книги! Купецъ, у котораго вы что нибудь покупаете, не станетъ финтить передъ вами во время переговоровъ, но исполнитъ свое дѣло съ спокойствіемъ самымъ комическимъ, даже въ ущербъ своей предупредительности. Самая порода людей привлечетъ къ себѣ ваше вниманіе, ибо кромѣ турокъ константинопольскихъ, вообще сходныхъ другъ съ другомъ по фигурѣ, вы найдете между народомъ и грека съ безпокойнымъ взглядомъ, и сѣдаго армянина съ черными усами, и негритянку, и блистательно одѣтаго арнаута, и красиваго уроженца румилійскихъ провинцій и другихъ представителей почти каждаго вамъ извѣстнаго народа. Разъ давши своей наблюдательности должное на-

Frommel & Winkles sc.

Aladi Bazar, oder der Frauenmarkt

Аладжа-базаръ, или невольничій рынокъ

правленіе, вы съумѣете перейти отъ общей картины къ ея частностямъ. Васъ начнетъ занимать и группа носильщиковъ, и безобразная массивная повозка, въ какой женщины, съ ногъ до головы закутанныя въ бѣломъ, отправляются въ баню, и военный караулъ въ фескахъ, уставшій отъ небольшаго перехода, а потому расположившійся на корточкахъ около рынка, и многія другія сцены, о которыхъ долго будетъ разсказывать.

Домашняя жизнь мусульманъ, на сколько она извѣстна небольшому числу туристовъ, стоитъ неменьшаго вниманія. Съ достовѣрностью можно сказать, что турки небогатаго состоянія, то есть имѣющіе по одной женѣ, отличаются честностью и семейными добродѣтелями. Они нѣжно любятъ своихъ дѣтей, набожны безъ фанатизма, много сидятъ дома и дѣлаютъ много добрыхъ дѣлъ, то есть безъ разсчета и соображеній. Жадность, развратъ, фанатизмъ, лихоимство и другіе пороки, такъ быстро увлекающія Оттоманскую Порту къ ея гибели, неизвѣстны въ томъ кругѣ, о которомъ здѣсь говорится. Ренегаты, паши, судьи, правители областей, а пуще всего ихъ челядь составляютъ язву Турціи; этого народа вы не встрѣтите на городскихъ улицахъ, они всѣ живутъ по своимъ виллам на краю города или въ несчастныхъ, обижаемыхъ ими провинціяхъ; турокъ стараго времени, небо-

гатый и даже едва ли очень желающій богатства, живетъ тихо и умѣренно, куритъ трубку сидя возлѣ своей супруги, ходитъ въ кофейню послушать новостей (по бо́льшей части самыхъ нелѣпыхъ) и водитъ свое семейство, по праздникамъ, на кладбище, на прѣсныя воды или въ другое увеселительное мѣсто. Онъ во сто кратъ лучше всякаго парижскаго буржуа, ибо своеобразенъ и благотворителенъ. Пока у него есть средства къ жизни, его рука не оскудѣваетъ. Онъ кормитъ родныхъ жены, если они бѣдны, кормитъ проходящаго нищаго, кормитъ собакъ безъ пристанища, къ нему забѣжавшихъ; обѣднѣвши самъ, онъ безъ застѣнчивости поступаетъ на чужой кормъ, принимая благотворенія такъ же просто, какъ самъ раздавалъ ихъ недавно.

Оттого константинопольскій *буржуа,* если позволено такъ выразиться (собственно средняго класса нѣтъ въ Турціи, а есть классъ бѣдный, но, однако, осѣдлый и живущій своимъ трудомъ) всегда замѣтенъ въ большихъ собраніяхъ народа, въ мечети или на базарахъ. Базаровъ въ городѣ множество, и они посѣщаются не одними покупщиками, ибо на базаръ, въ баню и въ кофейню идетъ всякій, кому нѐкуда дѣваться и нечего дѣлать дома. На картинкахъ, приложенныхъ къ нашему изданію, читатель можетъ увидѣть очерки константинопольскихъ ба-

заровъ и рынковъ, а потому о ихъ наружномъ видѣ мы распространяться не намѣрены. Пестрота и нечистота, порядочный смрадъ и проблески восточной роскоши составляютъ постоянную характеристику базаровъ и рынковъ, между тѣмъ какъ въ толпѣ ихъ наполняющей въ одно время видна необыкновенная живость и мусульманская медлительная важность. Посреди грековъ, армянъ, евреевъ, зазывающихъ покупателей, вертящихся и кривляющихся по всѣмъ направленіямъ, чинно проходятъ настоящіе турки Стамбула, всегда спокойные, молчаливые и простодушные въ своей сановитости. Они никогда не затеряются въ общей массѣ базарнаго населенія, ихъ всегда узнать можно, продаютъ ли они свой товаръ или покупаютъ что-либо, или гуляютъ въ свободную минуту. Вездѣ, гдѣ есть возможность присѣсть, закурить трубку и задуматься, турокъ сядетъ, задумается, и начнетъ пускать дымъ въ проходящихъ — его кейфа никто тревожить не станетъ, ибо небогатые турки Константинополя всѣми любимы. Другое дѣло, пріѣздъ на базаръ какого нибудь паши или важнаго чиновника: тутъ вся публика начинаетъ суетиться, тревожиться, — и не напрасно, ибо всякое важное лицо, что-нибудь значущее въ городскомъ правленіи, жестоко обходится съ народомъ, придирается

къ райямъ, то-есть христіанамъ, да еще любитъ лихоимствовать.

Нѣтъ ни одного туриста, достаточно начитавшагося разсказовъ о Востокѣ, который бы, въ часъ своихъ прогулокъ по Константинополю, не мечталъ о харемахъ, харемныхъ тайнахъ, закутанныхъ въ покрывала красавицахъ, евнухахъ и таинственныхъ негритянкахъ, подходящихъ къ чужестранцу съ посланіемъ отъ жены такого-то паши или любимой невольницы самого визиря. Всякій домъ сколько-нибудь загадочной наружности тревожно озирается путникомъ и въ головѣ его бродятъ такія мысли: гдѣ здѣсь могутъ скрываться гуріи Востока? много ли прелестныхъ дѣвъ скрыто въ этомъ зданіи? не выглянетъ ли на меня откуда нибудь черный глазъ и полное личико какой нибудь кадыни? По этой части его можетъ ждать новое разочарованіе. Жизнь въ Константинополѣ дорога, а сверхъ того во многомъ измѣнилась вслѣдствіе наплыва европейскихъ обычаевъ—отъ этого съ одной стороны, въ самомъ городѣ мало харемовъ (принимая это слово въ смыслъ цѣлаго помѣщенія, наполненнаго красавицами) (*) а съ другой, нравы самихъ женщинъ во многомъ измѣнились. Турчанки ѣздятъ на гулянья,

---

(*) Собственно харемъ значитъ *святое, недоступное мѣсто*, то же, что хспакъ въ Индіи и гинекей въ древней Греціи.

на музыку, на парады, женщины простаго званія, подражая болѣе знатнымъ, чаще прежняго появляются на улицахъ, иногда безъ нужды, по временамъ проѣзжаютъ коляски на лежачихъ рессорахъ, въ которыхъ важно засѣдаетъ какой нибудь молодой сановникъ въ фескѣ и съ молодой женой по правую свою руку. Правда, что дама завернута вуалемъ, но глаза всегда видны, вуаль же часто откидывается, собирается, передвигается, спускается и т. д.

Въ вечернюю пору, на плоскихъ кровляхъ домиковъ, особенно тѣхъ, которые повыше, часто происходятъ женскія собранія. Сосѣдка приходитъ къ сосѣдкѣ посидѣть на свѣжемъ воздухѣ, полакомиться шербетомъ и полюбоваться на окрестность. Въ этотъ поздній плѣнительный часъ, городъ значительно оживляется, и ежели вы живете въ его центрѣ, имѣете плоскую кровлю и зоркій глазъ, — то можете надѣяться видѣть кое-что занимательное. Но вообще путешественникъ нѣсколько игривыхъ наклонностей лучше сдѣлаетъ, если не станетъ слишкомъ пристально всматриваться въ женщинъ, проходящихъ по улицамъ или сидящихъ на своихъ террасахъ — восточные люди ревнивы всѣ, но въ этомъ случаѣ бѣда можетъ произойти не изъ ревности восточныхъ жителей. Въ Константинополѣ бездна пройдохъ, изобрѣтательныхъ плутовъ, передъ которыми можетъ быть плуты лондонскіе по-

кажутся слабыми существами, — эти мошенники слѣдятъ за новоприбывшими иностранцами, изучая ихъ нравъ, прихоти и степень довѣрчивости. Человѣкъ, заглядывающійся на женщинъ и мечтающій о приключеніяхъ, для нихъ находка. Они подошлютъ къ нему дуэнью въ-видѣ негритянки, они бросятъ къ ногамъ его букетъ изъ какого нибудь окна, назначатъ свиданіе, разскажутъ ему, что дочь Саидъ-Паши влюблена въ прекраснаго франка, устроятъ свиданіе, и съ помощью армянки, одѣтой въ костюмъ султанши, оберутъ новаго Ловеласа безжалостно. Подобныхъ исторій въ Константинополѣ происходитъ множество, и иныя изъ нихъ кончаются убійствомъ.

Кончая наши замѣтки о константинопольскихъ домахъ и базарахъ, долгомъ считаемъ сказать нѣсколько словъ о самомъ поэтическомъ изъ этихъ послѣднихъ. Читатель можетъ-быть подумаетъ, что мы станемъ толковать о невольничьемъ рынкѣ, каковъ онъ былъ до формальнаго воспрещенія торга невольниками, но къ сожалѣнію разскащиковъ и любителей, онъ много лѣтъ какъ утратилъ свое значеніе, а путешественники, таинственно разсуждающіе о прекрасныхъ черкешенкахъ, продаваемыхъ публично и показываемыхъ всякому проходящему, не стоятъ никакого довѣрія. Давно уже на невольничьемъ рынкѣ не продавалось никого, кромѣ не-

Das grosse Besestan in Konstantinopel

Большой базаръ въ Константинополѣ.

гритянокъ съ ихъ ребятишками, а потому лучше будетъ, если мы оставимъ въ сторонѣ грязный рынокъ невольниковъ (*). Базаръ поэтическій и чисто восточный, сохранившій всю живописность стараго времени, базаръ величественный, историческій, поражающій взоры туриста, есть *базаръ оружейниковъ*. Онъ помѣщается въ закрытомъ строеніи; подъ сводами въ арабескахъ, въ немъ царствуетъ молчаніе, въ немъ не дозволяется курить трубки, онъ составляетъ гордость мусульманина, привыкшаго считать дорогое оружіе за единственную роскошь, дозволенную каждому человѣку. Многихъ европейцевъ надували на этомъ базарѣ, многіе любители рѣдкостей вывозили съ него одну поддѣльную дрянь вмѣсто стараго оружія, но несмотря на это, есть чѣмъ полюбоваться на базарѣ оружейниковъ. Купцы, въ немъ сидящіе, любятъ и знаютъ свое дѣло, они даже образованнѣе другихъ торговцевъ, они знаютъ, что Порта вела ровно четыреста войнъ, начиная отъ войнъ Пророка, они помнятъ названіе всѣхъ знаменитыхъ побѣдъ былаго времени. «Неисчислимы сокровища, заключенныя въ базарѣ оружейниковъ! восклицаетъ Готье, писа-

---

(*) Прилагаемъ однако же къ нашей книгѣ видъ Авретъ-Базара (невольничьяго рынка) въ томъ видѣ, каковъ онъ былъ во время открытой торговли женщинами.

тель, хорошо знакомый нашей публикѣ. Тутъ найдете вы дамасскія сабли, изъ тѣхъ, которыми Саладдинъ разрубалъ на лету пуховыя подушки, въ присутствіи Ричарда Плантагенета, — мечи; способные, въ рукахъ искуснаго воина, врубиться въ наковальню, будто въ дерево, съ словами молитвенными на клинкѣ, съ зарубками на тупой своей сторонѣ,—зарубками, обозначающими число убитыхъ враговъ! Тутъ висятъ ятаганы, которыхъ голубоватая, тусклая сталь прокалываетъ панцырь будто листъ бумаги, ятаганы и кинжалы съ рукоятками изъ одной сплошной массы драгоцѣнныхъ камней! Тутъ найдете вы пищали съ колесомъ и фитилемъ, испещренныя насѣчками, дивными инкрустаціями, — бердыши, можетъ быть, поднимавшіеся въ рукахъ Тимура, Чингисхана и Скандербега, поднимавшіеся и разбивавшіе однимъ ударомъ и шлемъ и черепъ противника. Весь живописно-свирѣпый арсеналъ стараго Ислама раскидывается передъ вашими взорами, и когда лучъ солнца, прокравшійся съ высоты свода, падаетъ на все это собраніе стали, золота, сафирныхъ звѣздъ, бриллiантовыхъ лунъ, серебра и мѣди, весь базаръ блещетъ и оживляется, поражая духъ вашъ невыразимымъ смятеніемъ.»

БАНИ, КОФЕЙНИ И РАЗСКАЩИКИ.

Что такое турецкая баня. — Омовеніе, похожее на пытку. — Артисты по банной части — Комнаты отдохновенія. — Дни, проведенныя въ баняхъ. — Бани у женщинъ. — Кофейные дома. — Умѣренность. — Кофе и легенда о его открытіи. — Стихи Гафиза Эффенди въ честь кофе. — Что дѣлается въ турецкихъ кофейняхъ. — Разскащики. — Конкуренція поэтовъ и дервишей. — Новости въ Константинополѣ. — Страшныя исторіи — Сказка о Нуреддинѣ и зломъ духѣ во образѣ женщины

У кого много охоты къ *мѣстному колориту* и сильнымъ ощущеніямъ (физическимъ скорѣе, чѣмъ нравственнымъ), тотъ безспорно ощутитъ немалое удовольствіе, явившись въ одну изъ константинопольскихъ бань, надѣвъ на ноги высокія деревянныя подставки (ибо по каменному горячему полу нельзя ходить босыми ногами) и, въ дополненіе банныхъ операцій, вручивъ свое бренное тѣло въ распоряженіе атлета-художника по банной части. Путешественникъ, рѣшившійся на подобное дѣло, будетъ растянутъ на гладкомъ помостѣ изъ мрамора; его окатятъ небольшимъ количествомъ воды, а затѣмъ предадутъ разнымъ мученіямъ. Баньщикъ

станетъ выворачивать члены франка, колотить его по спинѣ ладонью, проводить большимъ пальцемъ полосы на его спинѣ, и совершая всѣ эти ужасы, довершать отчаяніе жертвы своимъ собственнымъ, величаво спокойнымъ видомъ. Иногда, разсказываютъ люди бывалые, баньщики турецкихъ бань приходятъ въ артистическій восторгъ, въ азартъ, по временамъ находящій на всякаго художника жаркихъ странъ. Въ минуты такого порыва они оборачиваютъ своего паціента кверху ногами, приподнимаютъ его съ помоста и снова кидаютъ на горячій мраморъ, и въ довершеніе спектакля вскакиваютъ сами ему на спину. Какъ ни странна такая манера для человѣка непривычнаго, но мусульмане находятъ въ ней большое наслажденіе — развѣ наша метода париться, наши полки и горячіе вѣники не представляютъ ничего страннаго для чужеземца?

Чѣмъ болѣе разслабится посѣтитель турецкой бани, вслѣдствіе жары и неистовыхъ операцій артиста по банной части, — тѣмъ сильнѣе наслажденіе, ожидающее его впослѣдствіи. Медленно, едва ступая, опираясь на своего бывшаго мучителя, идетъ нашъ любитель въ свѣтлую, не очень жаркую комнату, гдѣ уже ожидаетъ его чистый матрасъ, тонкое покрывало, и гдѣ лежатъ, преданныя райскимъ мечтаніямъ, особы, за нѣ-

Eine türkisches Bad

Турецкая баня.

сколько минутъ назадъ выдержавшія банную пытку. Если бани хорошо устроены (а въ Константинополѣ весьма немного хорошихъ бань), то комната успокоенія (иногда эта комната состоитъ изъ нѣсколькихъ залъ), убранная съ нѣкоторою роскошью, всегда поразитъ собой европейскаго посѣтителя. Въ ней часто бьетъ фонтанъ, стѣны, своды и колонны напоминаютъ о чемъ-то лѣнивомъ и чисто восточномъ, между тѣмъ какъ фигуры совершенно довольныхъ мусульманъ, отдыхающихъ или тихо бесѣдующихъ между собою, пріятно оживляютъ всю оригинальную сцену. Тутъ можно просиживать цѣлые дни, и дѣйствительно для турка не диво просидѣть весь день въ банѣ. Тутъ пьется кофе, подается шербетъ, курятся трубки, пріятель угощаетъ своего пріятеля, тутъ политики толкуютъ о новостяхъ, купцы о торговыхъ дѣлахъ; и такъ далѣе. Для турецкихъ женщинъ баня есть partie de plaisir, клубъ, пикникъ, раутъ, любимое развлеченіе.

Если въ баняхъ много болтаютъ, пьютъ и ѣдятъ, за то въ кофейныхъ домахъ, наперекоръ европейскимъ обычаямъ, царствуетъ молчаніе съ воздержаніемъ. Мусульманинъ не лакомка, газетъ онъ не читаетъ, le Moniteur de Constantinople съ его картинками ни мало не интересуетъ мусульманина, — если онъ когда либо и говоритъ о политикѣ, то не по-газетному. Для мусульманина новость, сообщен-

ная на перекресткѣ продавцомъ финиковъ, достовѣрнѣе всякой телеграфической депеши, а нѣсколько глубокомысленныхъ выводовъ, слышанныхъ отъ писца въ ближайшей улицѣ, интереснѣе самой тонкой дипломатической ноты. Оттого кофейные дома въ нашемъ смыслѣ, существуютъ только въ Перѣ; ихъ всего два или три для иностранцовъ; въ настоящихъ же турецкихъ кофейныхъ домахъ, иноземцу, незнающему турецкаго языка и непонимающему сладости восточнаго кейфа, дѣлать нечего. Въ этомъ средоточіи лѣнивой мусульманской жизни онъ долго будетъ чужимъ человѣкомъ, празднымъ зрителемъ. Лучшія сказки разскащиковъ для него пропадутъ даромъ, кофе покажется ему горькимъ, самое помѣщеніе грязноватымъ. Надо долго жить въ Константинополѣ, узнать языкъ и его обитателей для того, чтобъ высиживать долгіе часы въ кофейнѣ и при этомъ еще испытывать нѣкоторое наслажденіе.

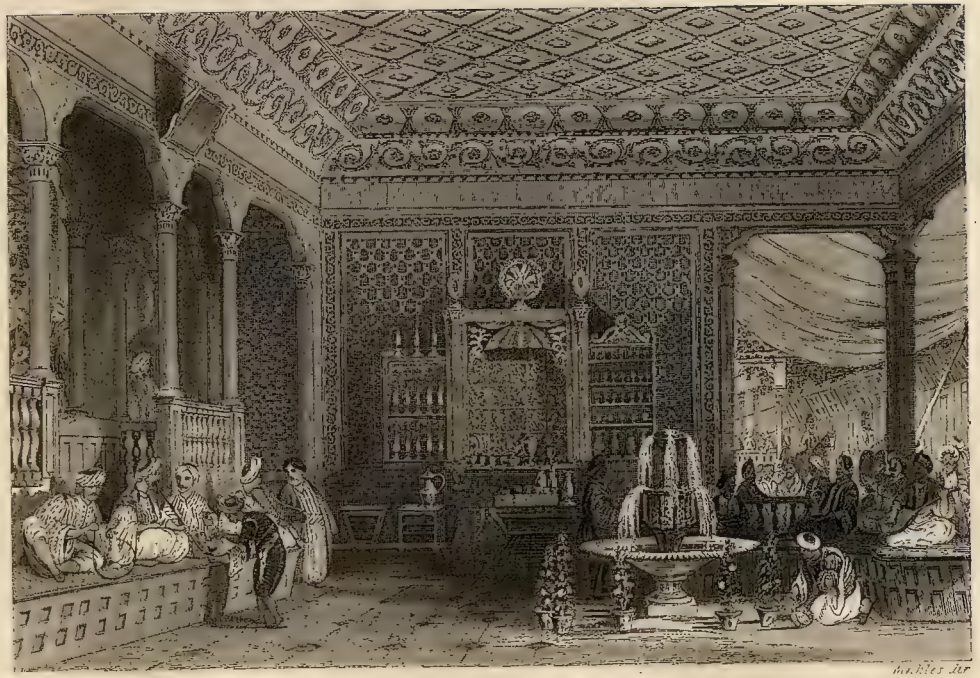
Въ заведеніяхъ, о которыхъ здѣсь говорится, царствуетъ большая умѣренность; кромѣ трубки, холодной воды, шербета и кофе тамъ ничего не продается. Для мусульманина кофе не есть простое горячее питье, но поэтическій нектаръ, капля радости, отецъ веселья, напитокъ историческій, таинственный, прославленный лучшими изъ поэтовъ. «О братъ искрометнаго вина! говоритъ Гафизъ-

Эффенди въ поэмѣ по поводу кофе: — напитокъ небесныхъ гурій, роса, порожденная солнцемъ! Посели въ моемъ мозгу райскія грезы, увлеки меня вдаль отъ земли, попираемой моими ногами; взнеси меня на вершину Айи-Софіи, вершину, однимъ орламъ доступную! Я буду царемъ Стамбула, богатствами исполненнаго, и стану слышать разговоръ вѣтра съ облаками на высотахъ небесныхъ!» Не всякій изъ европейцевъ знаетъ имена изобрѣтателей книгопечатанія, но каждый изъ мусульманъ — это можно сказать съ достовѣрностью — разскажетъ вамъ легенду объ открытіи чудесныхъ свойствъ кофе верблюдами арабскаго шейха Шайзели. Эти скромныя, даже мрачныя по нраву животныя, наѣвшись листьевъ кофейнаго дерева, стали дѣлать прыжки и ланцады, приведшіе всѣхъ жителей въ удивленіе. Такъ открыта была живительная сила, скрывавшаяся въ маленькомъ растеніи, а шейхъ Шайзели, владѣтель верблюдовъ, за проницательность свою удостоился вѣчной славы во всемъ мусульманскомъ мірѣ.

Кофе, свареный на турецкій манеръ, горче и крѣпче нашего, пьютъ его безъ сливокъ, оттого онъ дѣйствуетъ раздражительнѣе, и отбиваетъ аппетитъ (арабское слово *каве* значитъ — лишающій охоты къ ѣдѣ). За короткимъ періодомъ оживленія силъ, біенія сердца, идутъ долгія минуты агоніи,

такъ любимой на Востокѣ, агоніи безвредной, составляющей лучшее наслажденіе посѣтителя кофейной. Закуривъ трубку съ длиннымъ чубукомъ, особа, выпившая кофе, садится поджавъ ноги на диванъ, и на диванѣ остается весьма долго, изрѣдка спрашивая себѣ еще крошечную чашку кофе и еще одну трубку. Если въ кофейной есть разсказщикъ, его разсказы слушаются съ благоговѣйнымъ молчаніемъ, — если нѣкому сказывать сказокъ, гости прислушиваются къ лепету фонтана; если нѣтъ фонтана передъ носомъ, они смотрятъ на дымъ, клубящійся повсюду. Если ко всему этому прибавить то обстоятельство, что окна многихъ кофейныхъ домовъ выходятъ на Босфоръ или на какой нибудь плѣнительный уголокъ города, то наслажденіе, испытываемое молчаливыми курильщиками, станетъ понятно читателю.

Классъ сказочниковъ, историческій классъ, безъ котораго дѣтство наше можетъ-быть не имѣло бы своей книги изъ книгъ, несравненной Тысячи и Одной Ночи, еще не вывелся въ Турціи. Кофейные дома Константинополя на цвѣтистомъ тамошнемъ нарѣчіи называются *школами познанія* (меттебилирфанъ); кому-же и первенствовать въ школахъ познанія, если не краснорѣчивымъ сказочникамъ? Было время, когда въ цвѣтущую эпоху турецкой литературы разные поэты пытались отбивать у раз-



Innere Ansicht eines Kaffeehauses zu Konstantinopel

Внутренній видъ кофеини въ Константинополѣ.

скащиковъ ихъ слушателей, но перлы риѳмъ, нанизанныя на золотую проволоку стиха, не могли состязаться съ прозой, иногда даже простонародной прозой сказочника. Иногда дервиши, засѣдая въ кофейныхъ, пробовали ораторствовать, — въ эпоху янычарскихъ смутъ, мятежники являлись держать безумныя рѣчи въ тихомъ собраніи курильщиковъ; но не было счастья ни дервишамъ, ни янычарамъ: старикъ-сказочникъ, посиживая на полу и куря даровую трубочку, одолѣлъ всѣхъ своихъ соперниковъ. И понынѣ засѣдаетъ онъ въ своемъ скромномъ величіи, разсказывая легенды про пьяныхъ кадіевъ, безстрашныхъ витязей, правосудныхъ халифовъ, честныхъ носильщиковъ и злыхъ шейховъ. Иногда рѣшается онъ пугать своихъ слушателей, разсказывая про мертвецовъ и духовъ: страшныя исторіи довольно любимы въ Константинополѣ, ибо хотя мусульмане сами по себѣ не очень трусливы, но близкія сношенія съ суевѣрными армянами и греками во многомъ измѣнили ихъ наклонности.

Чтобъ показать читателю, до какой степени лѣниво-роскошная муза Востока по временамъ бываетъ сумрачна, передаемъ ему одну изъ легендъ, особенно любимыхъ константинопольскими сказочниками, легенду народную, разсказываемую тысячи разъ на тысячи различныхъ ладовъ, но ле-

генду безспорно ужасную. Это исторія оружейника Нуреддина, женившагося на адскомъ духѣ въ образѣ прекрасной женщины.

«Проживалъ когда-то въ Скутари, неподалеку отъ большаго кладбища, молодой оружейникъ, Нуреддинъ по имени. Честенъ былъ молодой Нуреддинъ, и собой красивъ, и работу свою зналъ отлично, и денегъ у него было довольно, только былъ ужь онъ слишкомъ смѣлъ и боекъ, какъ всѣ молодые оружейники. Въ мечеть ходилъ онъ рѣдко, знался больше съ армянами да франками, говаривалъ и о томъ, что случалось ему, принося чужестраннымъ чиновникамъ разное оружіе на домъ, не разъ говорить съ ихъ дочерьми и женами. Правду или неправду говорилъ Нуреддинъ, только какъ ни старались старшіе братья женить Нуреддина, не удавалось имъ никакъ это дѣло. «Не сыщите мнѣ дѣвушки, какая бы мнѣ понравилась!» говорилъ оружейникъ старшимъ братьямъ: «не хочу я жениться на угадъ, невидѣвши невѣсты. Лучше будетъ накопить денегъ, да купить себѣ жену по вкусу, напередъ увидавши, что покупаешь. Время мое не ушло, а до сихъ поръ не видалъ я женщины себѣ по праву.»

«Братья перестали говорить съ Нуреддиномъ о женитьбѣ, хоть знали хорошо, что не слѣдуетъ молодому человѣку его лѣтъ жить одинокимъ. Думали

они сперва, что какая нибудь френгистанская чаровница приковала къ себѣ юношу; однако нѣтъ, не водилось грѣховъ за Нуреддиномъ, кромѣ развѣ того, что знался онъ съ разными *раями*, да иногда, сидя въ своемъ домѣ вечеромъ, пилъ вино съ чужестранными матросами. Нынче и муфтіи пьютъ вино, и топчи попиваютъ, и никто отъ вина не прочь; Нуреддинъ же не напивался никогда до безчувствія, стало быть огорчаться было нечего. Такъ вотъ, одинъ разъ, привелъ нашъ Нуреддинъ въ свой домъ молодаго грека, да двухъ англичанъ пріѣзжихъ; гости вынули изъ кармановъ по склянкѣ, оружейникъ досталъ откуда-то флягу, закурили трубки, начали пить, прохлаждаться и весело бесѣдовать. Народъ все былъ молодой, веселый, часъ пришелъ поздній, по утру кто-то изъ сосѣдей умеръ въ домѣ черезъ улицу, вотъ и стали наши питухи толковать про мертвыхъ, про живыхъ, про колдуновъ, да про гулей кровожадныхъ (*). Грекъ, хоть и былъ молодъ, а видѣлъ на своемъ вѣку многое, оттого онъ больше молчалъ, за то англичане, а за ними и оружейникъ, разгулялись такъ, что хоть самому шайтану брались осквернить бороду. Слушалъ ихъ рѣчи молодой грекъ,

(*) Вѣдьмы, питающіяся трупами, одно изъ ужаснѣйшихъ порожденій восточной фантазіи

и руку приложилъ ко лбу. «Ну, говоритъ: такихъ храбрецовъ не видалъ я на своемъ вѣку! Только полно не хвастаетесь ли вы?» Франки на такія слова только пожали плечами — давно извѣстно всякому, что франкъ пересталъ вѣрить и въ Аллаха и въ дьявола — за то нашъ Нуреддинъ расшумѣлся пуще прежняго. «Гдѣ языкъ, тамъ и мозгъ! сказалъ онъ, хлопнувъ рукой себя по лбу: я отъ своихъ словъ не отпираюсь, ни мертвецовъ, ни злыхъ духовъ бояться я не способенъ, а коли грекъ мнѣ не хочетъ вѣрить, такъ я готовъ съ нимъ хоть сейчасъ идти на кладбище да просидѣть тамъ до утра!» Грекъ такъ перепугался послѣ такихъ словъ, что всѣ принялись смѣяться пуще прежняго. «Ну слушай же, Нуреддинъ, наконецъ вымолвилъ грекъ сквозь зубы: коли хочешь, чтобы я прославилъ тебя молодцомъ, такъ сдѣлай вотъ какое дѣло. Въ правомъ углу кладбища есть кипарисъ, который легко узнать, потому что онъ кривъ и толще другихъ кипарисовъ, ты его часто видѣлъ, когда днемъ гулялъ по кладбищу съ братьями. Подъ этимъ деревомъ схороненъ злой дервишъ, при жизни считавшійся колдуномъ, — на его могилѣ, сказываетъ народъ, въ лунную ночь сходятся *гули*. Теперь мѣсяцъ свѣтитъ, мѣсто тебѣ знакомо, пройди на могилу дервиша, выцарапай на камнѣ какой нибудь

значокъ, а завтра утромъ приду я взглянуть, такой ли ты храбрецъ, какимъ сказываешься.»

Не задумавшись, пошелъ Нуреддинъ; только передъ уходомъ выпилъ еще вина. Ночь была свѣтлая, кладбище лежало подъ бокомъ, перехода долгаго не требовалось. Немного жутко стало юношѣ, когда погрузился онъ въ унылую тѣнь надгробныхъ деревьевъ, когда замелькали передъ нимъ, будто пришельцы съ того свѣта, могильные бѣлые камни съ чалмами на верху (*). Изрѣдка оружейнику слышались какіе-то странные звуки, то похожіе на плачъ младенца, то на дерзкій смѣхъ безчестной женщины; но городъ лежалъ неподалеку: можетъ быть, оттуда доносились эти звуки. Все было тихо и пусто по сторонамъ, ни птицы на вѣтвяхъ, ни вѣтра въ воздухѣ, ни шелеста въ травѣ. Добрался Нуреддинъ до могилы дервиша, присѣлъ на нее, отирая съ лица холодный потъ, присѣлъ, задумался, сказалъ самъ себѣ: «не буду больше бродить ночью по кладбищамъ!» Затѣмъ онъ поторопился кончить дѣло, вынулъ изъ кин-

(*) Камни эти не кладутся на землю, какъ у насъ плиты, но врываются концомъ около могилъ, подобно памятникамъ. Оттого турецкое кладбище кажется будто наполненнымъ закутанными чалмоносцами, недвижно стоящими во всѣхъ направленіяхъ.

жальныхъ ножонъ маленькій ножъ (*), черкнулъ по камню длинную полосу, и вдругъ услыхалъ въ двухъ шагахъ жалобный плачъ, уже не дѣтскій, а дѣвичій. «Кто тутъ?» прокричалъ Нуреддинъ, уронивъ ножъ изъ рукъ и проклиная свою прогулку. Снова послышался плачъ, уже въ другой сторонѣ. «Кто тутъ плачетъ?» опять закричалъ юноша, и слова замерли на его языкѣ. На возвышеніи, съ котораго онъ только что сдвинулся, сидѣла женщина въ бѣломъ, женщина подъ покрываломъ. Мѣсяцъ озарялъ ея полныя щоки и глаза, прекраснѣй которыхъ не имѣется одной пары глазъ въ султанскомъ харемѣ. То была дѣвушка красоты несказанной, но совершенно незнакомая Нуреддину. Съ перваго взгляда на красицу, юноша почувствовалъ къ ней великую любовь, и весь страхъ отлетѣлъ отъ него. «Что ты здѣсь дѣлаешь ночью, радость очей правовѣрнаго?» спросилъ Нуреддинъ: «или въ наше время не находится крова для красавицы, чуднѣе какой не видалъ ни одинъ дворецъ Стамбула?» Въ отвѣтъ на такую ласковую рѣчь,

---

(*) Ко многимъ восточнымъ кинжаламъ (какъ это извѣстно любителямъ оружія) придѣланъ особый футляръ для ножа небольшаго размѣра, чтобъ воинъ въ походѣ могъ не затрудняться разрѣзываніемъ пищи. Сталь этихъ ножей всегда почти бываетъ лучше кинжальной стали.

дѣвушка стала плакать и разсказала свое приключеніе Нуреддину. Она только что наканунѣ пріѣхала въ городъ со своимъ родителемъ, богатымъ купцомъ трапезундскимъ. Гуляя по кладбищу съ двумя подругами, при наступленіи вечера, она заблудилась въ углу «поля мертвыхъ», потеряла своихъ подругъ изъ вида, а потомъ, чувствуя сильную усталость, присѣла подъ однимъ кипарисомъ и заснула, сама не зная какъ. Сонъ ея былъ дологъ и страшенъ; страшные образы грезились ей долго, пока не появилось послѣ нихъ лицо храбраго юноши, какъ будто сходное съ лицомъ Нуреддина. Проснувшись, она увидала себя одну, посреди могилъ, въ незнакомомъ мѣстѣ, безъ надежды отыскать домъ родительскій. Всѣ гулявшіе, въ томъ числѣ и ея подруги, давно покинули кладбище; улицы, въ которой жилъ ея родитель, дѣвушка назвать не умѣла. Долго бесѣдовали между собой такимъ образомъ молодые люди, и нѣженъ былъ ихъ разговоръ, когда наконецъ Нуреддинъ догадался предложить свое жилище недавней знакомкѣ. Дѣвушка, принявъ предложеніе, тихо послѣдовала за оружейникомъ; только во время ихъ перехода отъ могилы дервиша до края кладбища, въ ушахъ Нуреддина часто отдавался какой-то злобный и безстыдный смѣхъ, въ родѣ того смѣха, какимъ былъ встрѣченъ его приходъ на поле мертвыхъ. «Кто

смѣется здѣсь?» одинъ разъ спросилъ Нуреддинъ свою спутницу: «не слышишь ты ничего, о дѣвица?» Дѣвушка отвѣчала, что ничего не слышитъ.

На остатокъ ночи Нуреддинъ переселился въ сосѣдній домъ, въ домъ старшаго своего брата, отдавши свою хижину, всю, въ распоряженіе трапезундской гостьи. Пьяные франки давно уже разошлись по домамъ, никто не тревожилъ сна утомленной незнакомки. На утро оружейникъ и его братья отправились въ три разныя стороны искать Гассана, трапезундскаго купца, на дняхъ пріѣхавшаго въ городъ съ молодой дѣвушкой, искали его и въ Перѣ, и у Золотаго рога, и въ Галатѣ, спрашивали на корабляхъ: отыскивалось много разныхъ Гассановъ, но ни одинъ изъ нихъ не терялъ своей дочери. Въ такихъ поискахъ прошелъ не одинъ день, а уже Нуреддинъ и его гостья зажили, какъ братъ съ сестрицей; другіе разсказываютъ, какъ мужъ съ женою. На первое время Нуреддинъ съ ревностью искалъ родителя своей дѣвушки, но потомъ въ мозгу его родилась такая мысль: «а что, если богатый купецъ наплюетъ мнѣ въ бороду за всѣ мои старанія, и останусь я безъ моей Аише, на посмѣшище всѣмъ сродникамъ?» Подумавши такъ, пришелъ онъ къ своей гостьѣ, разсказалъ ей все и спросилъ ее о томъ, любитъ ли Аише бѣднаго ору-

жейника Нуреддина? Разговора молодыхъ людей мы не слыхали; достаточно будетъ только сказать, что черезъ два дни дѣвушка была супругой нашего юноши.

И зажилъ молодой оружейникъ со своей красавицей-женою на зависть всему сосѣдству, дѣла Нуреддина пошли отлично, заказы шли за заказами, и хотя никто не видалъ его жены въ глаза (даже сосѣдки никогда не ѣздили съ ней въ баню), но слухи о ея чудной красотѣ гуляли по Скутари. Только черезъ двѣ-три недѣли послѣ брака что-то странное стало дѣлаться съ самимъ Нуреддиномъ. Онъ поблѣднѣлъ и постарѣлъ нѣсколькими годами, ничего почти не ѣлъ, потерялъ свою веселость, сталъ задумываться и слабѣть въ силахъ. Днемъ онъ работалъ за троихъ, но къ ночи находило на него какое-то свинцовое оцѣпѣненіе, голова становилась какъ чугунная, и часто онъ засыпалъ сидя за трубкой, на диванѣ, не дождавшись ночи. Спалъ онъ какъ убитый, просыпался бодрымъ, но къ вечеру опять слабѣлъ и погружался въ сонливость. Братья испугались, родные стали шептаться, самъ Нуреддинъ понялъ, что дѣло несовсѣмъ ладно, набралъ кое-какихъ лекарствъ отъ иноземныхъ гекимовъ. Однако, силы юноши продолжали слабѣть, а на головѣ его начали показываться сѣдые волосы.

Кромѣ этой бѣды, еще одна забота чорной тучей налегала на мозгъ Нуреддина. Аише онъ любилъ какъ зѣницу своего глаза, однако видѣлъ въ ней что-то нехорошее. Аише не знакомилась съ сосѣдками (какъ мы уже сказали), не говорила ни съ кѣмъ, кромѣ мужа, никогда не смѣялась, никогда не глядѣла весело. Одинъ только разъ развеселилась она — и чему развеселилась? на улицѣ ночью убили какого-то армянина; взглянувъ съ кровли на мертвое тѣло, красавица засмѣялась такъ, что Нуреддинъ, работая внизу, распозналъ ея смѣхъ посреди шума. Покрывало свое Аише скидала только къ вечеру. Были за ней и другія чудеса, но всего чудеснѣе казалось оружейнику отвращеніе, какое питала его жена къ честной нашей пищѣ, къ соли, хлѣбу, плаву, баранинѣ и всему, что подкрѣпляетъ силы человѣка. Она ничего не ѣла; кусочекъ хлѣба, съѣденный по принужденію, причинялъ ей тошноту. Однако молодая женщина не худѣла, не слабѣла силами; сонливость не находила на нее по ночамъ; она все цвѣла, какъ пышный тюльпанъ, между тѣмъ какъ бѣдный Нуреддинъ, посреди своего стараго богатства, вянулъ какъ степная трава въ жаркіе мѣсяцы года.

Стали сосѣди качать головой, встрѣчая молодаго оружейника; стали старые писцы говорить, что

юноша испорченъ злымъ глазомъ. Когда пропала всякая надежда отъискать трапезундскаго Гассана, стали ходить и про Аише недобрые слухи. Тошно стало Нуреддину; бросилъ онъ чужеземныхъ гекимовъ, и рѣшился обратиться за совѣтомъ для своего недуга къ старому дервишу Бекшашу, такъ извѣстному своей святой жизнью. Вотъ, хорошенько помолившись въ мечети султана Селима, пошелъ онъ въ обитель старца, поклонился ему и сталъ возлѣ Богомъ-любимаго человѣка, почтительно скрестивъ руки надъ грудью. Старъ былъ Бекшашъ, истощенъ трудами и бдѣніемъ; жалкое рубище едва держалось на тощихъ членахъ, глаза дервиша едва могли глядѣть на свѣтъ Божій, но проницательность мудраго не покинула дервиша. Онъ никогда не видалъ Нуреддина, но по приходѣ его вздрогнулъ и семьдесятъ разъ повторилъ имя Аллаха. «Кто ты, о человѣкъ?» спросилъ онъ затѣмъ грознымъ голосомъ: «какъ смѣешь ты входить въ домъ благочестія, ты, оскверненный великимъ преступленіемъ, ты, связанный съ духами тьмы, рабъ врага человѣковъ?»

Не оставалось сомнѣній послѣ такого приговора: гнѣвъ Пророка висѣлъ надъ несчастнымъ юношей. Но видя его слезы и внимая его молитвамъ, святой дервишъ смягчилъ звуки своего голоса и сказалъ съ тяжкимъ вздохомъ: «сынъ мой, для

юноши, произносящаго святое имя Аллаха, есть еще путь къ спасенію. Садись возлѣ меня, но не касайся ни до меня, ни до моей одежды. Разсказывай бѣды свои, о человѣкъ грѣха, говори все и знай, что одно утаенное слово будетъ тебѣ гибелью.»

Нуреддинъ разсказалъ старцу всѣ дѣла своей молодости, свое пристрастіе къ вину и обычаямъ гьяуровъ, свою вѣтренную похвальбу передъ грекомъ, свою ночную прогулку на кладбище, свою связь съ Аише, настоящее поведеніе женщины и свои настоящіе недуги.

Давши ему кончить, дервишъ началъ говорить такъ: «Сынъ мой, отяжелѣла надъ тобой казнь небывалая. Не съ женщиной связанъ ты, но съ чудовищемъ, порожденіемъ ада. Удостовѣрься своими глазами въ своемъ бѣдствіи, и потомъ приходи за новымъ совѣтомъ. Сонъ, насылаемый на тебя къ вечерней порѣ, есть дѣйствіе чаръ; вотъ тебѣ склянка съ тремя каплями жидкости, разрушающей всякія чары. Прими эти капли на сонъ грядущій, лягъ на постель съ закрытыми глазами, притворись спящимъ и дѣлай то, что тебѣ сердце скажетъ. До будущей ночи ты свободенъ отъ адскаго наитія, иди же, помолись еще разъ въ мечети и завтра приходи снова».

Наступила ночь. Нуреддинъ, чувствуя прежнюю тяжкую сонливость, проглотилъ капли дервиша и

легъ въ постель возлѣ Аише, какъ было сказано. Великая бодрость пробудилась въ его тѣлѣ, сонъ отлетѣлъ въ одно мгновеніе, закрытые глаза видѣли все, вокругъ него совершавшееся. Увѣрясь, что мужъ спитъ, Аише встала съ постели, набросила на себя длинное бѣлое покрывало, подошла къ двери, замкнутой тяжелымъ засовомъ, дверь отворилась сама, а женщина вышла на улицу и направилась прямо, прямо по направленію къ скутарійскому кладбищу. Тихо поднялся и Нуреддинъ, подвязавъ кинжалъ и произнеся имя Пророка, пошелъ за своей таинственной подругой. Аише шла быстрѣй его, и вскорѣ скрылась за кипарисами, озаренными лучами мѣсяца, но Нуреддинъ шелъ прямо и смѣло, ноги его будто двигались сами, то ускоряя, то задерживая шагъ. Не отдавая самъ себѣ отчета въ своихъ движеніяхъ, оружейникъ очутился одинъ, у могилы стараго дервиша-беззаконника, подъ кривымъ кипарисомъ, на томъ самомъ возвышеніи, гдѣ познакомился онъ съ своей женою. Все было пусто вокругъ, но обычной ночной тишины не было въ воздухѣ: неземные голоса аукались между деревьями, огоньки вспыхивали надъ могилами, какія-то безобразныя пресмыкающіяся бѣгали по травѣ; невдалекѣ отъ Нуреддина, за рядомъ плотно-сросшихся деревьевъ, слышались женскіе голоса и смѣхъ, нѣсколько подобный смѣху безстыдной жен-

щины, по смѣхъ, еще болѣе холодящій сердце. И подошелъ нашъ юноша къ этимъ деревьямъ, и осторожно взглянулъ изъ-за зелени, и тогда, при лунѣ, представилось ему зрѣлище, ужаснѣе котораго не видалъ ни одинъ глазъ человѣческій.

Вокругъ одной изъ новыхъ могилъ, только что разрытой въ видѣ большой воронки, стояло и бѣгало множество блѣдныхъ женщинъ, въ бѣлыхъ рубашкахъ, мѣстами запачканныхъ кровью; иныя изъ нихъ были молоды, хороши, но всѣ безъ исключенія носили на своихъ лицахъ ужасное, зловѣщее, мертвое выраженіе. Между ними лежалъ трупъ покойника, недавно похороненнаго на томъ мѣстѣ — покойника, извѣстнаго своей дурной жизнью и многими злыми дѣлами. Блѣдныя женщины по временамъ кидались на тѣло, рвали изъ него куски своими когтями, пожирали эти куски съ жадностью пса, и кончивъ съ однимъ кускомъ, снова шли къ трупу за новой добычей. Смрадное мясо казалось имъ слаще райской пищи, онѣ весело хохотали, предлагали одна другой клочки трупа, и говорили между собой на странномъ языкѣ, непонятномъ уху человѣка, но сходномъ по звуку съ клокотаніемъ смолы или съ шипѣніемъ огня на большомъ пожарѣ.

Аише была тутъ какъ тутъ, впереди всѣхъ; ея жемчужные зубы впивались въ человѣческое тѣло, ея чорные глаза съ восторгомъ глядѣли на страш-

ный предметъ пиршества. Не оставалось сомнѣній Нуреддину: жена его принадлежала къ кровожаднымъ гулямъ — гулямъ, для которыхъ мясо мертвеца есть хлѣбъ и теплая кровь обезглавленнаго преступника слаще холоднаго шербета!

Долго, долго, не сводя глазъ, глядѣлъ юноша на страшный пиръ, много разъ порываясь броситься съ кинжаломъ на проклятыхъ вѣдьмъ, но не находя силы въ рукѣ и не смѣя ослушаться повелѣній святаго дервиша. Много ужасовъ видѣлъ онъ до тѣхъ поръ, пока красная заря не загорѣлась на востокѣ, и пока не опустѣло кладбище. Нехотя разстались его ночные посѣтители, Аише тихо пошла домой, а Нуреддинъ, не слѣдуя за нею, отправился къ дервишу, разсказалъ ему дѣла ночи и упалъ къ его ногамъ въ изнеможеніи.

«Спи, о бѣдный сынъ мой!» сказалъ ему Бекташъ, протягивая правую руку надъ головой Нуреддина: «спи у меня до ночнаго часа, и, можетъ быть, сонъ твой не будетъ сномъ безплоднымъ.»

Сладкая нѣга оковала члены изнуреннаго юноши, но то была не та тяжелая сонливость, какую насылали на него по ночамъ колдовства змѣи-Аише. Хорошія грёзы снились Нуреддину, онъ видѣлъ и море, и солнце, и тѣнистые сады, и дворцы, величиной съ весь Стамбулъ, и кіоски, болѣе обширные, нежели дворецъ Саида-паши на Босфорѣ. И вотъ изъ

одного кіоска вышелъ къ оружейнику его отецъ, благочестивый старикъ, вѣрный чтитель Корана, давно уже переселившійся въ область гурій небесныхъ. «Жаль мнѣ тебя, о юноша», сказалъ отецъ Нуреддина: «самъ ты навлекъ на себя земную гибель. Не видать тебѣ рѣзвыхъ дѣтей вокругъ себя, не будетъ у тебя доброй жены, но если ты въ сердцѣ своемъ обратился къ Богу и намѣренъ посвятить себя Его служенію, ты можешь быть спасеннымъ. Раскрой Коранъ дервиша Бекшаша на сороковой страницѣ, тамъ увидишь ты закладку, чудесная сила которой неизвѣстна самому старцу. Эта закладка вырѣзана изъ чалмы Пророка, передъ тѣмъ, что чалму обратили на священное знамя Саджакъ-Шерифъ. Возьми закладку, иди къ женѣ твоей и отплати ей за все зло, тебѣ сдѣланное. Она можетъ призывать адскихъ своихъ подругъ къ себѣ на помощь, ковы гулей и волшебниковъ безсильны передъ дивнымъ талисмановъ. Отомсти, вернись въ домъ дервиша и навѣки посвяти тебя Тому, Кто теперь спасаетъ тебя отъ вѣчной гибели.»

Отъ утра до поздней ночи спалъ Нуреддинъ, но когда проснулся, и образъ и рѣчи старика-отца остались свѣжими въ его памяти. Онъ отыскалъ Коранъ дервиша Бекшаша, вынулъ зеленую закладку, лежавшую на сороковой страницѣ, приложился

къ ней, какъ прикладывается паша къ султанскому фирману, и спрятавъ ее на груди, пошелъ въ свой домъ. Аише встрѣтила мужа на порогѣ, ласкаясь къ нему и произнося нѣжныя имена: «мозгъ ея, говорила она, изсохъ отъ ожиданія, сердце увяло, подобно цвѣтку, во время отсутствія юноши.» Не сказавъ ни слова, Нуреддинъ выслалъ всю прислугу изъ дома, заперъ ворота тяжелымъ болтомъ, ввелъ жену въ опочивальню, и тамъ заперъ двери.

Никто не знаетъ, что дѣлалось ночью въ домикѣ оружейника. Сосѣди, возвращавшіеся по домамъ въ самый глухой часъ, видѣли какъ будто красное пламя надъ кровлею, слышали плачъ и вой, оледеняющій душу, звонъ цѣпей и оружія, молитвенныя слова, свистъ и хлопанье крыльевъ. На утро Нуреддинъ отворилъ ворота, вышелъ изъ дому и пошелъ по дорогѣ къ хижинѣ дервиша; онъ былъ одинъ, лицо его было блѣдно, но шелъ онъ смѣло и бодро. Братья оружейника, съ прислугой, пройдя въ опочивальню, нашли въ ней только груду золы, переломленный кинжалъ и покрывало хозяйки. Самой Аише нигдѣ не было.

Съ той поры Нуреддинъ сталъ сыномъ дервиша Бекшаша, и, въ послѣдствіи, наслѣдникомъ его высокой мудрости. Онъ не глядѣлъ на женщинъ, ходилъ въ рубищѣ, но всякаго страждущаго принималъ ласково, особенно искусно исцѣляя людей

испорченныхъ или пораженныхъ злымъ глазомъ. Со временъ Нуреддина, дервиша, на кладбищахъ больше не видно могилъ, за ночь разрытыхъ гулями, и запоздалый путникъ, проходя по близости могильныхъ кипарисовъ, не слышитъ болѣе дѣтскаго плача или злаго смѣха, подобнаго смѣху безстыдной женщины.

КЛАДБИЩА И УВЕСЕЛИТЕЛЬНЫЯ МѢСТА.

Общій видъ константинопольскихъ кладбищъ. — Кладбище въ Скутари. — Гулянья на кладбищѣ, и кейфъ по близости могилъ. — Курильщики. — Почтеніе къ мертвымъ. — Увеселительныя гулянья. — Пятьдесятъ долинъ константинопольскихъ. — Гулянье христіанъ и высшаго общества. — Гулянья чисто народныя. — Сладкія Воды въ Европѣ и Азіи. — Сады въ восточномъ вкусѣ. — Трогательное преданіе о Махмудѣ Грозномъ и его одалыкѣ. — Сюжетъ, достойный лорда Байрона.

Въ предъидущей главѣ мы имѣли случай кинуть бѣглый взглядъ на одно изъ константинопольскихъ кладбищъ, служившее театромъ мрачной легенды о Нуреддинѣ-дервишѣ; теперь же считаемъ себя въ необходимости сказать нѣсколько словъ о восточныхъ кладбищахъ вообще. Это не узкіе клочки земли, скупо огороженные со всѣхъ сторонъ и украшенные чахлыми деревьями, какъ оно бываетъ во многихъ столицахъ Европы. Константинополь раскинулся такъ широко, что въ немъ мертвому никогда не будетъ тѣсно. Главныя его кладбища (особенно кладбище въ Скутари) сходствуютъ съ огромнымъ, хорошо расчищеннымъ лѣсомъ изъ

платановъ и кипарисовъ, гдѣ всегда найдется мѣсто и плачущему, и гуляющему, и дѣлающему кейфъ посѣтителю. Видъ этихъ неизмѣримыхъ campo-santo имѣетъ въ себѣ что-то таинственное, тихое, и вмѣстѣ съ тѣмъ манящее къ мечтательности, ибо лучшія стороны восточнаго духа отражаются въ восточныхъ садахъ и восточныхъ кладбищахъ. Подъ гигантскими, темнолиственными деревьями вьются во всѣ стороны чуть замѣтныя тропинки; въ разныхъ мѣстахъ на васъ выглядываютъ изъ-за зелени мраморныя плиты съ изваянною чалмою — плиты, поставленныя вертикально; глубокая тишина царствуетъ повсюду, воздухъ напоенъ сильнымъ запахомъ кипариса (запахомъ вреднымъ для непривыкшаго человѣка); тамъ и сямъ, въ положеніяхъ, выражающихъ глубокую задумчивость, сидятъ надъ могилами женщины въ бѣлыхъ покрывалахъ. Безсознательная, упоительная меланхолія начинаетъ охватывать путника, шаги его дѣлаются медленнѣе, житейскія заботы перестаютъ волновать его сердце, онъ садится на первомъ возвышеніи, и въ первый разъ начинаетъ проникать въ сущность мусульманскаго кейфа, тѣхъ моментовъ задумчивости, когда самая кровь, по видимому, обращается тише, и въ головѣ бродятъ одни неясные урывки мыслей, неспособные помѣшать полному отдохновенію души и тѣла.

Winkles direx.

Grosser Begraebniss-Platz
bei Soutari

Большое Кладбище
въ Скутари.

Восточный человѣкъ пристрастенъ къ садоводству, но не къ мелочамъ его, а скорѣе къ поэзіи садовъ, рощъ, лѣса, таинственныхъ тропинокъ, цвѣтовъ и фонтановъ. Онъ любитъ, чтобъ кладбище, на которомъ лежатъ его отцы и женщины, когда-то имъ любимыя — кладбище, гдѣ онъ гуляетъ и сидитъ молча въ свои свободныя минуты — отличалось просторомъ, чистотою; но кіосковъ и вычурныхъ украшеній онъ въ немъ не потерпитъ. Въ большой праздникъ, въ день полнаго отдыха онъ повезетъ свое семейство на Сладкія Воды, въ Буюкдере, тамъ сойдется съ пріятелемъ и будетъ съ нимъ вмѣстѣ веселиться, на сколько оно въ его натурѣ; но на кладбище турокъ по бо́льшей части ходитъ одинъ-одинехонекъ. Онъ выберетъ себѣ самое уединенное мѣстечко и сядетъ, и закуритъ трубку съ такимъ длиннымъ чубукомъ, что мимо идущій европеецъ, глядя на него, задастъ себѣ вопросъ такого рода: «да какъ могъ почтенный посѣтитель кладбища притащить съ собой это огромное орудіе?» Дѣло въ томъ, что для куренія при уединенныхъ прогулкахъ въ Константинополѣ употребляются складные чубуки, во время переходовъ носимые у пояса, какъ будто сабля. Мужчины, посѣщающіе кладбища для развлеченія, никогда почти не бесѣдуютъ другъ съ другомъ, женщины и дѣти однѣ толпятся кучками, но говорятъ тихо, ибо му-

сульманскіе народы привыкли чтить мѣсто послѣдняго отдыха своихъ единовѣрцовъ. Оттого картина кладбища, даже наполненнаго народомъ, гораздо болѣе говоритъ воображенію, нежели видъ мечети, даже при богослуженіи. Эти меланхолическія деревья, бѣлыя тѣни, подъ ними мелькающія, молчаливые мужчины со своими трубками, памятники, насыпи, и наконецъ сами дѣти, веселость которыхъ имѣетъ въ себѣ что-то сдержанное, безмолвное, въ цѣломъ составляютъ разительно-оригинальную картину!

Болѣе пеструю, болѣе оживленную сцену видитъ туристъ, посѣщая которую нибудь изъ пятидесяти живописныхъ долинъ Босфора, въ дни Байрама, или въ пятницу, когда житель Константинополя чувствуетъ потребность настоящаго гулянья. По тѣмъ изъ долинъ, что отдалены отъ центра столицы или прилежатъ къ предмѣстіямъ чужестранцовъ, скачутъ, прогуливаются, обѣдаютъ и отдыхаютъ семейства европейскихъ туристовъ, иностранныхъ консуловъ, купцовъ и банкировъ; на другихъ устроивается подвижной таборъ изъ грековъ и армянъ съ ихъ дѣтьми и красавицами-дѣвушками. Въ великолѣпной долинѣ Буюкдере, невдалекѣ отъ которой высятся дворцы разныхъ посольствъ, съѣзжается высшій свѣтъ дипломатическій, къ которому, со времени преобразованій Махмуда, чаще и чаще

Konstantinopel

von Pera aus gesehen und der sogen. Kleine Fortinzeplat.

Константинополь со стороны и Малое Кладбище

примѣшивается стамбульская аристократія въ фескахъ и синихъ, расшитыхъ золотомъ, казакинахъ. Въ старое время истинный турокъ, да еще и сановный, не любилъ ѣздить въ Буюкдере въ тѣ часы, когда тамъ прогуливались франки, но времена перемѣнились, и часто теперь, гдѣ нибудь на лучшемъ пунктѣ восхитительной долины, можно увидать молодую и знатную турчанку, безъ покрывала, чинно сидящую возлѣ своего офранцуженнаго супруга, въ кругу фрачниковъ и дамъ, одѣтыхъ по иноземному, говорящихъ по иноземному. Не одна звѣзда харема (только не султанскаго) умѣетъ лепетать по-французски, выѣзжаетъ на балъ къ тому или другому посланнику, и хотя танцовать не рѣшается, но бесѣдуетъ съ молодежью, какъ прилично самой благовоспитанной, хотя немного робкой женщинѣ.

Вообще европейская «охота къ перемѣнѣ мѣстъ», выражаясь въ неспособности иноземныхъ обитателей Константинополя довольствоваться однимъ опредѣленнымъ пунктомъ для прогулки, много вредитъ сельскимъ веселостямъ константинопольскихъ турокъ. Въ такъ любимыхъ турками долинахъ *Европейскихъ Сладкихъ Водъ* и *Сладкихъ Водъ въ Азіи* (Гёксу) рѣдко удастся подсмотрѣть картину увеселеній чисто восточныхъ, народныхъ, не испорченныхъ присутствіемъ круглой шляпы, любопытныхъ

джентльменовъ въ красныхъ британскихъ мундирахъ, или сантиментальныхъ наблюдательницъ съ записными книжками и въ парижскихъ шляпкахъ. При всемъ нашемъ уваженіи къ высоко цивилизованному быту и моднымъ нарядамъ, мы должны признаться, что въ этихъ двухъ долинахъ не мѣсто европейцу истинному. Коротенькое пальто и черная шляпа такъ не подходятъ къ этимъ прудамъ, этимъ фонтанамъ, этимъ раззолоченнымъ кіоскамъ, этому мрамору, исписанному затѣйливыми арабесками. Любопытный взглядъ путешественника смущаетъ веселье молодежи, принуждаетъ дѣвушекъ старательнѣе прятаться въ покрывало, мѣшаетъ кейфу сѣдаго курильщика, ходившаго въ Мекку и отростившаго себѣ бороду до пояса. Самые фигляры, потѣшающіе невзыскательную публику, какъ-то холоднѣй шутятъ при чужомъ человѣкѣ, хозяева подвижныхъ лавчонокъ съ лакомствами, кофейныхъ домовъ, раскинутыхъ повсюду, почти не радуются приходу иноземца и иновѣрца. Во сто разъ пріятнѣе глядѣть на увеселенія турокъ, притаившись гдѣ нибудь въ кіоскѣ или надѣвши восточный нарядъ, который, впрочемъ, носить не такъ легко, какъ нашу неживописную одежду.

Долина Гёксу и Сладкія Воды въ Европѣ — изображенія которыхъ читатель видитъ въ прилагае-

Das Thal von Göksu

Долина Гёксу

или воды небесные.

мыхъ картинкахъ (*)—изукрашены по повелѣніямъ: первая — султана Магомета Втораго, а вторая — султана Ахмета Третьяго. Въ той и другой долинѣ рѣчки были запружены, раздроблены на нѣсколько ручейковъ и каналовъ, между тѣмъ какъ на красивѣйшихъ пунктахъ мѣстности расположились загородные дворцы, кіоски и фонтаны. Благодаря могучей растительности края и чудному положенію долинъ, трудъ садовниковъ не могъ назваться тяжелымъ, между тѣмъ какъ результатъ ихъ труда вышелъ удивителенъ. Чтобъ понять поэзію и прелесть этихъ мѣстъ, чтобъ, гуляя по обѣимъ долинамъ Сладкихъ Водъ, воображеніемъ своимъ унестись въ сказочный міръ чудесъ Востока, полезно будетъ посѣтить эти мѣста не во время общаго гулянья. Надо сосредоточиться въ самомъ себѣ, дать полную волю своей фантазіи, позабыть все европейское, правильное, условное, и потомъ уже съ благоговѣніемъ подойти къ этимъ голубымъ во-

---

(*) Картина съ подписью: «Долина Гёксу», изображаетъ мѣстность по близости султанскаго дворца. Ближайшее къ зрителю строеніе направо — фонтанъ въ лучшемъ стилѣ восточной архитектуры. Странный экипажъ, запряженный волами, вмѣщаетъ въ себѣ харемныхъ затворницъ.

На рисункѣ «Сладкія Воды въ Европѣ» представлены пляски греческихъ дѣвушекъ, тоже по близости загороднаго дворца, нынѣ опустѣвшаго и заброшеннаго.

дамъ, обѣгать каждый уголокъ тихаго сада, посѣтить дворцы и заблудиться въ тѣнистомъ лабиринтѣ платановъ. Есть своего рода поэзія въ садахъ Ленотра, парки въ англійскомъ вкусѣ могутъ обворожить фантазію, но ничто такъ не дѣйствуетъ на поэтическій инстинктъ туриста, какъ видъ настоящаго восточнаго сада съ его бесѣдками, водами, таинственными лужками вдали отъ дорогъ, мраморными фонтанами, имѣющими видъ храмовъ, и двумя или тремя минаретами, будто улетающими подъ облака изъ-за необозримыхъ массъ зелени.

Вторая изъ долинъ, о которыхъ здѣсь говорится, именно: Долина Сладкихъ Водъ въ Европѣ, при всѣхъ своихъ очарованіяхъ, имѣетъ еще одно очарованіе полусказочное, полуисторическое, именно легенду о любимой одалыкѣ султана Махмуда, истребителя янычаровъ, родителя нынѣшняго султана. Грозный Махмудъ, при началѣ своего царствованія, страстно любилъ молодую дѣвушку, о красотѣ и характерѣ которой всякому туристу дозволяется дѣлать болѣе или менѣе блестящія предположенія. Привязанность султана была, можетъ быть, первою привязанностью юности, и, по словамъ разскащиковъ, эта привязанность считалась безпредѣльною. Одинъ разъ, обитательницы султанскаго харема поѣхали веселиться въ Долину Сладкихъ Водъ, пробыли въ ней цѣлый день, но

Die grossen Wasser in Europa

Ewyke bogge bi Elpenau.

когда вернулись въ сераль, первой одалыки султана между ними не было! Рѣзвая дѣвушка, играя съ своими подругами, вздумала сѣсть въ шлюбку на одномъ изъ прудовъ, отчалила отъ берега, стала сама грести и расшалилась до того, что вертлявый челнокъ опрокинулся. Еще въ воздухѣ раздавался смѣхъ самой проказницы и зрительницъ, когда уже все было кончено съ бѣдной одалыкой. Евнухи, бросившись на помощь, вынули изъ воды бездыханное тѣло, съ улыбкой на помертвѣвшихъ губахъ.

Долго сокрушался Махмудъ; можетъ быть, онъ и казнилъ, кого слѣдуетъ, за небрежность, можетъ быть, онъ и подозрѣвалъ злодѣяніе, помня исторію ахметовой султанши, но весь харемъ видѣлъ погибель дѣвушки, и исторія Мирмы не могла возобновиться въ наше время. Долина Сладкихъ Водъ стала ненавистна султану, но невдалекѣ отъ роковыхъ садовъ находилось Марсово Поле, и много разъ въ году Махмуду приходилось проѣзжать мимо загороднаго дворца, когда-то имъ такъ любимаго. Преданіе гласитъ, что одинъ разъ, вскорѣ послѣ янычарскаго погрома, кончивъ смотръ регулярнымъ своимъ батальонамъ, его величество отпустилъ отъ себя большую часть свиты, и на бѣломъ своемъ конѣ тихо въѣхалъ во дворъ опустѣлаго, покинутаго строенія. Не говоря ни слова онъ прошелъ по пыльнымъ комнатамъ, въ которыхъ по сіе время

еще цѣлы бархатные диваны, парчевыя занавѣси, саженныя зеркала и арабески на стѣнахъ. Изъ дворца Махмудъ прошелъ въ садъ и остановился около того самого пруда, гдѣ погибла дѣвушка, за двадцать лѣтъ назадъ имъ любимая.... О чемъ могъ думать въ эту минуту человѣкъ, подобный истребителю янычаровъ, желѣзный человѣкъ въ родѣ грознаго султана Махмуда?

Чтобы могъ сдѣлать, напримѣръ, лордъ Байронъ изъ подобнаго сюжета?

ЗАГОРОДНЫЯ МѢСТА.

Drawn & Hercules direxit

Leander's Thurm

Леандрова Башня.

Поѣздка въ каикѣ по Босфору. — Лодочники въ Константинополѣ. — Кызъ-Кулесси, Башня Дѣвы или Башня Леандра. — Замокъ Румили-Иссари и Мысъ Казней. — Ункіаръ Скелесси и долина, въ которой стояли русскія войска. — Чортово теченіе. — Дворецъ Саида-Паши. — Турки передъ дворцами сановниковъ. — Константинопольскія стѣны. — Семибашенный Замокъ. — Ужасныя воспоминанія. — Яма для головъ и стоки для крови. — Угнетенные христіяне. — Понятія сербовъ, грековъ и другихъ христіанъ о Стамбулѣ.

Для человѣка, жаждущаго историческихъ воспоминаній, а еще болѣе тѣхъ чудныхъ легендъ, которыя въ нѣкоторомъ отношеніи лучше исторіи, ибо живѣе ея переносятъ насъ къ періодамъ, отъ насъ отдаленнымъ, медленная поѣздка по Константинопольскому Проливу принесетъ необъятное наслажденіе. Въ любой пристани Константинополя и Галаты найдетъ онъ каики изящной постройки, длинные и узкіе, на которыхъ надо сидѣть или лежать съ крайнею осторожностью, найдетъ онъ неутомимыхъ гребцовъ, способныхъ работать веслами, безъ утомленія, въ теченіе самого долгаго времени.

Первый историческій предметъ, бросающійся въ глаза плавателю, когда онъ выѣдетъ изъ Золотаго Рога и поровняется съ предмѣстіемъ Скутари, есть небольшой бѣлый замокъ, будто построенный на волнахъ; фундаментъ его сидитъ на невидимой отмели, отъ чего все строеніе, и безъ того весьма легкое, кажется какимъ-то фантастическимъ пріютомъ для нимфъ голубаго моря. Это Кызъ-Кулесси (Башня Дѣвы), скажетъ вамъ лодочникъ. Въ этой башнѣ одинъ изъ старыхъ султановъ воспитывалъ свою дочь, которой было предсказано, что она умретъ отъ укушенія змѣи. Дѣвица выросла и расцвѣла во всей пышности красы дѣвичьей, всѣ предосторожности отъ змѣй были взяты, да и какая змѣя могла пробраться въ башню, такъ отдѣленную отъ земли? Но одинъ разъ затворницѣ принесли связку цвѣтовъ отъ ея родителя — связку, въ которой притаился маленькій аспидъ, для того, чтобъ выполнить предсказаніе.

Съ такими словами каикчи не согласится путешественникъ, если онъ приготовилъ себя къ поѣздкѣ. Не старый султанъ, не змѣя и не заточенная дѣвушка представятся его воображенію: другая картина, болѣе плѣнительная, возникнетъ въ его фантазіи. Ему представится буря на Геллеспонтѣ, юная дѣвушка съ фонаремъ на башнѣ, и далеко отъ нея, въ волнахъ, атлетическая фигура

греческаго юноши, безстрашнаго Леандра, бросившагося въ разъяренныя волны для одной минуты свиданія съ своей Геро. «Боги!» восклицаетъ примѣрнѣйшій изъ любовниковъ, чувствуя, что его силы слабѣютъ: «боги! если вы судили мнѣ смерть, то дайте мнѣ провести одинъ часъ возлѣ моей Геро и потопите послѣ!» Но пока туристъ мечтаетъ о Леандрѣ и Геро, каикъ скользитъ по водѣ, гребецъ опускаетъ весло и выпрямляется грудью по тридцати разъ въ минуту, и скоро башня Леандра съ ея острою кровлею исчезаетъ въ отдаленіи.

Далѣе и далѣе ѣдетъ каикъ, болѣе и болѣе знаменитыхъ мѣстъ мелькаетъ передъ вами, впечатлѣнія ваши перепутываются, одно за другимъ является передъ вами историческое воспоминаніе — воспоминаніе объ эпохахъ и отдаленныхъ и близкихъ. Описывать всѣхъ этихъ мѣстъ по порядку мы не беремся, тѣмъ болѣе, что самый планъ нашихъ очерковъ не предполагаетъ въ себѣ никакого порядка. Вотъ, между зеленью, на мысѣ, выдаются въ море таинственныя стѣны зàмка Румили Иссари — зàмка, обагреннаго кровію — зàмка, въ которомъ казнили мальтійскихъ рыцарей, пытали христіанъ, когда-либо помышлявшихъ объ открытой борьбѣ съ невѣрными, рѣзали нашихъ братій славянъ, бившихся съ сынами Пророка въ

Сербіи, Черногоріи, Босніи! Мысъ, о которомъ здѣсь говорится, еще во времена греческой имперіи назывался «мѣстомъ казней», турки назвали его Башъ-Кесе (мѣстомъ, гдѣ рѣжутъ головы). Отъ этаго мыса въ старое время ѣздили къ стѣнамъ большіе каики, нагруженные головами казненныхъ, и много славныхъ христіанскихъ головъ находилось въ этомъ грузѣ! Не одинъ паликаръ, ожидая смертнаго удара на этомъ мысѣ, возсылалъ къ Богу послѣднюю мольбу о своемъ отечествѣ, не одинъ предводитель безстрашныхъ гайдуковъ умиралъ на этомъ мѣстѣ, призывая Божью казнь на бусурманскія головы!

Сердце отдыхаетъ отъ подобныхъ воспоминаній, когда путнику представится на азіатскомъ берегу Инкіаръ Скелесси, съ долиною, орошаемою рѣчкою Токатъ (*). На этомъ мѣстѣ, двадцать два года тому назадъ, лагеремъ стоялъ россійскій корпусъ, присланный не для мщенія, не для борьбы съ невѣрными, но для защиты Константинополя отъ возмутившагося султанскаго вассала. На этомъ мѣстѣ русскій царь отплатилъ добромъ за зло и спасъ

(*) Картина, изображающая Инкіаръ Скелесси, сдѣлана въ 1835 году, съ обозначеніемъ мѣста, занятаго русскимъ лагеремъ. На первомъ планѣ раззолоченная гондола султана, безпрестанно посѣщавшаго своихъ сѣверныхъ союзниковъ, въ отдаленіи водопроводъ и часть долины Буюкдере.

Frommel & Winkles sc.

Chunkar-iskelessi

Чонкяръ - искелеси.

властителя, недавно называвшаго себя врагомъ Россіи. На этомъ мѣстѣ повелитель правовѣрныхъ любовался стройностью русскихъ рядовъ и здоровался съ нашими воинами по русски. Сюда стекалось населеніе Константинополя, стремясь увидѣть въ лицо воиновъ сѣвера, такъ часто наводившихъ трепетъ на всю ихъ родину (*).

Невдалекѣ отъ замка Румили-Иссаръ, у береговъ такъ называемаго албанскаго посада, находится «Чортово Теченіе» (Шайтанъ-Акиндиси), то есть та часть Босфора, гдѣ теченіе, по чрезвычайной быстротѣ своей, дѣлаетъ греблю опасною. Короткія волны яростно бьются о каменную набережную, построенную еще во время греческихъ императоровъ, а полоса теченія, вся бѣлая отъ пѣны, отдѣляется отъ общей водной массы и, подобно длинной стрѣлѣ, впивается далеко въ море. На этомъ страшномъ мѣстѣ каикчи кладетъ весла и, подхватывая бичеву, которую ему кидаютъ съ берега, разсказываетъ путешественнику какую нибудь легенду о проклятомъ мѣстѣ. Вода, по его словамъ, тутъ плещется и волнуется оттого, что нѣсколько благочестивыхъ дерви-

(*) Въ нашемъ изданіи мы помѣстили три вида проходовъ въ Балканскихъ Горахъ, хотя ихъ изображеніе не имѣетъ ничего общаго съ содержаніемъ нашихъ очерковъ. Для русскаго читателя даже одни слова: Балканы, Ункіаръ Скелесси, имѣютъ свое высокое значеніе.

шей опустили на дно морское, близь армянскаго посада, чорную-дѣву, чародѣйку, вздумавшую разносить чуму по окрестностямъ Стамбула. Пользуясь временемъ, когда каикъ буксируется вдоль берега, туристъ можетъ въ подробности разсмотрѣть стоящій у моря дворецъ Саида-Паши, султанскаго шурина, вельможи когда-то бывшаго сыномъ раба и возвысившагося до того, что Махмудъ Грозный назвалъ его своимъ зятемъ.

Дворецъ, о которомъ идетъ рѣчь, замѣчателенъ какъ образецъ мѣстной архитектуры, такъ хорошо согласующейся и съ Босфоромъ, и съ константинопольской природою, и съ таинственностью Востока. Изъ самаго корпуса зданія, почти къ самой водѣ, выступаетъ нѣсколько изукрашенныхъ выступовъ съ рѣшотчатыми окнами и столбами, будто рядъ кіосковъ, въ которыхъ можно уединиться совершенно, и сидя надъ самымъ проливомъ, вслушиваться въ немолчный ропотъ Чортова Теченія. По сторонамъ дворца, какъ и вездѣ, моря садовъ и зелени, передъ нимъ узкая набережная, а затѣмъ вода, по которой на бичевѣ скользятъ каики, не хлопая веслами. Вообще турки да и всѣ жители Константинополя, проѣзжая мимо дворцовъ султана и его сановниковъ, не говорятъ между собой и даже избѣгаютъ глядѣть на окна строеній, — этого требуетъ приличіе, за нарушеніе коего, по крайней

Said Paschia's Palast am Bosporus.

Дворецъ Саидъ-Паши на Босфорѣ.

мѣрѣ въ старое время, можно было дорого поплатиться.

Вообще, прогулки по видамъ константинопольскимъ часто мѣшаютъ туристу обойти съ должнымъ вниманіемъ и осмотрѣть окрестности столицы, болѣе удаленныя отъ моря. Увлекаясь голубымъ Босфоромъ, онъ часто забываетъ обойти стѣны города, посѣтить мѣста гдѣ такъ много памятниковъ для христіанина, наконецъ своими глазами увидать части Стамбула, наиболѣе сохранившія свой первобытный видъ. Подвигъ подобнаго рода довольно труденъ для пѣшехода по случаю пересѣченной мѣстности и улицъ, иногда похожихъ на горныя тропинки; но во всякомъ случаѣ путешественнику не слѣдуетъ уѣзжать изъ Константинополя, не взглянувши на величавый Семибашенный Замокъ, расположенный на юго-восточной оконечности общей стѣны города. Этотъ вѣковой памятникъ, воздвигнутый греками задолго до мусульманскаго владычества, около котораго лилась кровь латинскихъ витязей, эмировъ Магомета и защитниковъ послѣднихъ греческихъ императоровъ, играетъ немалую роль въ исторіи, а сверхъ того живописенъ до крайности. Высоко надъ почернѣлыми стѣнами мрачнаго укрѣпленія возносятся его башни, то четырех-угольныя, то круглыя, съ надстройками и шпицами. Холодъ охватываетъ душу посѣтителя,

когда ему начинаютъ показывать *достопримѣчательности* сумрачнаго замка: яму, въ которую бросали головы обезглавленныхъ преступниковъ, канавку для стока крови казненныхъ, *стѣнку мучениковъ* и лампаду, теплящуюся надъ могилой мусульманъ, убитыхъ при взятіи Семибашеннаго Замка. Сыростью, ветхостью, ужасомъ вѣетъ отъ этихъ кровавыхъ стѣнъ, и посѣтитель зданія, будь онъ величайшій поклонникъ восточной поэзіи, мысленно сознается въ томъ, что не одинъ кейфъ, одалыки и розы составляютъ сущность мусульманской жизни. Чтобы проникнуть въ страшную сторону исламизма, надобно посѣщать Семибашенный Замокъ одному, и если можно, то вечеромъ.

Съ башень укрѣпленія открывается разительный, но нѣсколько печальный видъ на стѣны города, на воды и дальнія горы. Въ цѣломъ картина прекрасна, но подробности ея, ближайшія къ зрителю, наводятъ смутное чувство. Всюду видитъ онъ полуразрушенныя стѣны съ бойницами, развалины древнихъ зданій, утесы, покрытые прилѣпившимися къ нимъ хижинами, а подъ ногами его лежитъ старое мѣсто ужаса, Семибашенный Замокъ, гдѣ еще цѣлы ямы для христіанскихъ головъ и стоки для христіанской крови.

Никто лучше не понимаетъ мрачной стороны мусульманской столицы, какъ народы, страдающіе

Wehles del.

Das Schloss der sieben Thürme

Семибашенный замокъ.

подъ гнетомъ исламизма. Для западнаго славянина, для серба, армянина и грека, древній Стамбулъ не то, чѣмъ онъ кажется путешественнику, беззаботно любующемуся его тихими водами и пятидесятью цвѣтущими долинами. Переводъ сербскаго стихотворенія, написаннаго на настоящую войну султана съ Россіей, покажетъ яснѣе всякихъ изслѣдованій, какъ смотрятъ угнетенныя племена на красавицу Босфора.

ПѢСНЬ ПОБѢДЫ.

Земля шумитъ, земля дрожитъ,
Заколыхался лѣсъ дремучій,
Орелъ взвился, орелъ паритъ —
И разсѣкаетъ грудью тучи.
На гору всходятъ знамена,
Полки свѣтлѣютъ на полянѣ:
Встаетъ великая война;
То идутъ съ Сѣвера славяне,
Съ своею дивною судьбой,
На крестоносный съ туркомъ бой!
Дрожи, Стамбулъ, заслышавъ горе!
Созрѣли надъ тобой вѣка...
Тебя съ подножья смоетъ море.
Дрожи! ужъ сильная рука
Подъята надъ твоей главою!

Недаромъ язвой міровою
Издавна ты въ народахъ слылъ,
И съ озлобленіемъ великимъ
На всѣхъ кидался звѣремъ дикимъ—
И безъ разбора всѣхъ губилъ!
Теперь, злодѣй, твой часъ пробилъ:
Приходитъ время воздаянья
За вопли угнетенныхъ странъ,
За разоренье, за страданье
Тобой гонимыхъ христіанъ!
За серба, за болгаръ, за грека,
За всѣхъ, въ комъ образъ человѣка,
Свинцомъ тяжелыя пяты,
Топталъ, безчеловѣчный, ты!
Но страхъ объялъ твои ужь грады,
Твой день послѣдній наступилъ...
Не будетъ для тебя пощады,
За то, что самъ ты не щадилъ!

Къ этимъ стихамъ прибавлять нечего: въ нихъ имѣется все: и предсказаніе, и тяжкій укоръ угнетателямъ, и вопль радости, и ссылка на пророчество, предвѣщающее скорую гибель мусульманскаго владычества. Для западнаго славянина, для грека, въ которомъ чтители пророка «топчутъ свинцовой пятою образъ человѣческій», Стамбулъ есть городъ срама и крови, грѣха и угнетенія. Ни чу-

деса природы, ни обаянія волшебнаго города не изгонятъ изъ его ума мысли о томъ, что Константинополь, въ его настоящемъ видѣ, есть сердце вражеское, язва міра, дикій звѣрь, бросающійся на вселенную. Самая роскошь столицы еще усиливаетъ ненависть къ ней въ христіанахъ, подвластныхъ султану. Легенда о горномъ старцѣ, совершавшемъ адскія преступленія, упивавшемся кровью посреди розъ, тѣнистыхъ садовъ, плясокъ и всякаго рода чувственныхъ наслажденій, весьма подходитъ къ Константинополю, такъ, какъ онъ представляется воображенію угнетенныхъ нашихъ братьевъ.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ

ВЪ НАЧАЛѢ НАСТОЯЩАГО 1855 ГОДА.

Старый и Новый Стамбулъ. — Что значитъ война для Константинополя. — Бѣдность и голодъ. — Видъ Босфора въ настоящемъ году. — Окрестности мечетей. — Пустота улицъ. — Нищета и наборы. — Первое прибытіе чужестранныхъ союзниковъ. — Анекдоты. — Ненависть христіанскаго населенія. — Надежды турокъ и разочарованіе. — Французы и англичане. — Скутари и Пера. — Постоянные и временные госпитали. — Турки и раненые союзники. — Письмо англійскаго офицера. — Сестры милосердія. — Миссъ Флоренсъ Нэйтингэль. — Заключеніе.

Зная всю неполноту нашего краткаго труда, нынѣ находящагося передъ глазами читателя, мы желаемъ однакоже по возможности сдѣлать его полнѣе. До сихъ поръ мы писали очерки Константинополя спокойнаго, лѣниваго, поэтическаго въ своей лѣности, тихо дремлющаго надъ голубыми волнами Босфора, и все таки прекраснаго посреди своей дремоты. Другія времена настали для несчастной Турціи, и Азраилъ, ангелъ смерти, распростеръ свои крылья надъ той страною, которая такъ часто вносила смерть съ опустошеніемъ въ нѣдра той самой Европы, которая нынѣ ополчилась въ защиту

исламизма, противъ своихъ христіанскихъ братій. Не намъ судить о тяжкой борьбѣ, надъ которою исторія произнесетъ свой приговоръ въ послѣдствіи. Мы желаемъ только познакомить нашего читателя съ настоящей физіономіей султанской столицы въ настоящую годину брани и иноземнаго заступничества. Для подобнаго труда у насъ не мало матеріаловъ, изъ коихъ нѣкоторые, какъ мы надѣемся, не лишены занимательности.

«Чтобы постигнуть весь ужасъ войны, и войны несчастной, надо видѣть восточные большіе города въ военное время.» Это весьма правдивое замѣчаніе сказано однимъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ по Европейской и Азіатской Турціи. Въ Смирнѣ, Александріи, Карсѣ, Адріанополѣ и наконецъ Константинополѣ, городахъ тѣсно населенныхъ, по бо́льшей части бѣдными жителями, часто страдающихъ отъ незначительнаго возвышенія цѣнъ на хлѣбъ или пониженія торговли, малѣйшее неустройство внутренняго управленія, не говоря уже о началѣ войны, даже незначительной, отражается гибельнымъ образомъ. Чтобъ понять все благо нашего европейскаго, христіанскаго благоустройства, надо только сравнить положеніе европейскихъ государствъ, даже при самой тяжкой войнѣ, съ несчастнымъ положеніемъ Турціи въ первые мѣсяцы

Pass bei Aidos

im östlichen Balkan

Горный проходъ близъ Аидоса.

по объявленіи войны. Русскіе воины и путешественники, бывшіе въ Константинополѣ въ то время, когда престолъ Махмуда былъ спасенъ великодушнымъ заступничествомъ въ Бозѣ почившаго Императора Николая Павловича, очень хорошо помнятъ, въ какомъ сожалѣнія достойномъ положеніи находились жители турецкой столицы при началѣ распри султана съ своимъ египетскимъ вассаломъ. Константинопольскій турокъ нашего времени не есть прежній неукротимый мусульманинъ, для котораго война была браннымъ пиромъ, а кровавое сраженіе преддверіемъ блаженныхъ селеній. Его фанатизмъ остылъ и сохраняется только какъ предлогъ для притѣсненія христіанъ. Онъ бѣденъ, лѣнивъ и неспособенъ къ перенесенію лишеній, оттого боится военной службы и отдѣлывается отъ нея всѣми средствами. Онъ легковѣренъ и склоненъ къ паническому страху; не имѣя никакихъ средствъ имѣть вѣрное понятіе о ходѣ дѣлъ, турокъ дѣлается добычей сплетниковъ, нагоняющихъ на него безпрерывный ужасъ своими разсказами. Дороговизна жизни, неразлучная съ войною, разомъ повергаетъ мусульманина изъ сравнительнаго довольства въ океанъ нищеты, истинно безграничной. Сельское населеніе, вынужденное къ бѣгству голодомъ, наборами, а всего болѣе своеволіемъ па-

шей, свирѣпствующихъ на свободѣ, толпами сбѣгается на берега Босфора, только прибавляя массу несчастныхъ. Мечети не въ состояніи прокармливать нищихъ, ибо двѣ трети столицы поступаетъ на иждивеніе мечетей. Нужда зарождаетъ тяжкія болѣзни; нелѣпые слухи, распространяемые не только въ кофейняхъ и на базарахъ, но буквально на всякомъ шагу, волнуютъ народъ, еще болѣе отягчая его, и безъ того ужасное, положеніе. Христіане, народъ по большей части торговый, прекращаютъ свои занятія, справедливо страшась притѣсненій. Капиталы скрываются, подвозъ припасовъ останавливается. Вотъ какого рода жизнь дарятъ константинопольскому населенію его англо-французскіе защитники!

Наружный видъ Константинополя — пишутъ современные туристы и корреспонденты разныхъ газетъ — съ моря великолѣпенъ по прежнему. Въ чисто-живописномъ отношеніи городъ даже выигрываетъ, если только необыкновенная красота всей картины можетъ возвыситься вслѣдствіе чего бы то ни было.

Море, лучшая прелесть древняго Стамбула, кишитъ дѣятельностью, которая такъ недавно сосредоточивалась въ гавани Золотаго Рога. На мѣсто игрушечнаго, полуразснащеннаго флота, всегда

гнѣздившагося безъ движенія въ одномъ и томъ же пунктѣ Босфора, весь Босфоръ покрытъ чужеземными транспортами, военными пароходами, левіаѳанами британскаго и французскаго флота, носящими на себѣ не безславные, но мѣткіе удары нашихъ русскихъ ядеръ. Длинною линіею тянутся эти чорныя, задымленныя, избитыя бурями суда, можетъ быть когда-то громившія мусульманскія твердыни Сенъ-Жанъ д'Акра, вступавшія въ бой болѣе достойный христіанскаго флота. Почтовые пароходы, легкіе какъ птицы, безпрерывно мчатся по всѣмъ направленіямъ, другіе пароходы буксируютъ суда съ припасами для военныхъ госпиталей, уже теперь загроможденныхъ ранеными. Вереницы судовъ, бо́льшей частью военныхъ, тянутся къ скутарійскимъ казармамъ, отданнымъ въ распоряженіе англичанъ; каждый корабль наполненъ ранеными, больными и умирающими солдатами. Всюду видны только британскій и французскій флаги, турецкій флотъ оттѣсненъ на послѣдній планъ, щегольскіе корабли, такъ тѣшившіе султана Махмуда, обращены въ рядъ пловучихъ больницъ, легкія суда турецкаго и египетскаго флота бо́льшею частью сожжены при Синопѣ. Морская школа тоже переведена на турецкій военный корабль: зданіе, въ которомъ она помѣщалась, занято больными французами. Англичане и французы не лю-

бятъ церемониться съ своими хозяевами и выгоняютъ турокъ отовсюду, гдѣ только это возможно.

На набережныхъ города, преимущественно въ Перѣ и Скутари, тоже замѣтно большое движеніе. Не одна грязная, узкая улица обратилась въ эспланаду для разгрузки судовъ, не одинъ турецкій домикъ замѣнился походнымъ баракомъ, возлѣ котораго гуляетъ часовой въ красныхъ панталонахъ или англійскій морякъ въ темносинемъ мундирѣ. Куда дѣвались прежніе бѣдные домики? что сталось съ мирными семействами, въ нихъ проживавшими? Кому какое дѣло до этого! Возлѣ моря, на окраинахъ кладбищъ, гдѣ бывало сидѣли старые мусульмане, покуривая трубки и невозмутимо поглядывая на панораму Босфора, видны одни озабоченные европейцы. Турецкое населеніе города, за исключеніемъ военныхъ, повидимому скрылось въ глубину столицы, но пройдите улицу за улицей, посѣтите базары, на которыхъ когда-то кипѣла такая сильная дѣятельность, и всюду встрѣтите вы однѣ небольшія кучки жителей съ озабоченными, печальными лицами, на которыхъ изображены нужда и голодъ. Утомленіе, апатія, боязнь на всѣхъ лицахъ; видъ путешественника во франкскомъ нарядѣ не возбуждаетъ даже въ ребятишкахъ простодушнаго вниманія. Все кроется отъ европейца, все глядитъ на него изъ подлобья. Къ окрестно-

Bromel & Winkles direx.

Pass im Balkan

an der Grenze von Rumelien und Bulgarien

Проходъ въ Балканѣ

на границѣ Румеліи и Булгаріи.

стямъ мечетей лучше всего не подходить европейцу, неласково тамъ его встрѣтятъ, да и самъ онъ увидитъ зрѣлище, о которомъ можетъ-быть онъ во всю свою жизнь не забудетъ. Число нищихъ, всегда такъ значительное, утроилось, а около богатѣйшихъ храмовъ удесятерилось. Это уже не тѣ нищіе, которые до начала войны блаженствовали на цыновкахъ и дѣлали кейфъ подъ лучами теплаго солнца, всегда сытые и почти довольные своей судьбою. Тутъ вы увидите нищету, для облегченія которой безсильны стремленія мусульманской необузданной благотворительности. Тутъ вы увидите голодъ во всемъ его ужасѣ: израненныхъ солдатъ безъ призрѣнія, купцовъ, еще за нѣсколько мѣсяцовъ считавшихся достаточными, осиротѣвшія семейства, женщинъ, воспитанныхъ въ тиши богатыхъ харемовъ, стыдящихся сказать слово незнакомцу и подавляющихъ свои страданія. Ходячія газеты того края, дервиши, бродятъ между несчастливцами, и своими рѣчами еще болѣе разжигаютъ ихъ ненависть противъ гяуровъ, явившихся изъ-за моря защищать Коранъ, но питающихся на счетъ слугъ Корана и своимъ присутствіемъ только усиливающихъ ихъ печальное положеніе.

Первое появленіе англійскихъ и французскихъ войскъ въ Константинополѣ, Варнѣ, Галлиполи,

было встрѣчено населеніемъ довольно дружественно. Въ характерѣ солдата всѣхъ странъ и вѣковъ есть всегда нѣчто радушное, веселое, располагающее къ нему мирнаго гражданина; въ этомъ отношеніи ни французы, ни англичане даже, не представляли исключенія — поспѣшимъ отдать эту справедливость достоинствамъ самаго непріятеля. Мусульмане, замѣчательно хитрые въ своемъ простодушіи и исполненные юмора посреди своей наружной сановитости, толпами сбѣгались глядѣть на пришельцовъ, ѣли ихъ супъ, угощали французовъ трубкой и съ гвардейцами королевы попивали ромъ, втихомолку. Зуавы, съ ихъ зелеными и красными чалмами, возбудили въ народѣ особенную привязанность. «Хаджи! Эмиры! Османлы!» Такими ласковыми рѣчами народъ ихъ привѣтствовалъ. Въ Варнѣ, одинъ англійскій гвардеецъ непомѣрнаго роста, отправившись гулять по городу въ медвѣжьей шапкѣ, придававшей его страшной фигурѣ еще нѣсколько лишнихъ вершковъ, привелъ весь городъ въ изумленіе и на нѣсколько дней сталъ общимъ любимцемъ. Теперь, когда безпорядки и злоупотребленія англійской военной администраціи раскрыты передъ цѣлымъ свѣтомъ, мы не можемъ не припомнить одного смѣшнаго анекдота, напечатаннаго въ газетахъ за іюнь мѣсяцъ и въ то время

не обратившаго на себя вниманія читателей. Въ Варнѣ, или въ Галлиполи, не можемъ сказать навѣрное, въ одно время высадился на берегъ полкъ французской и полкъ англійской пѣхоты. Англійскіе офицеры, прежде своихъ союзниковъ ознакомившіеся съ жителями, особенно полюбили одного стараго турка съ сѣдой бородой, постоянно приходившаго курить свою трубку около пристани и со вниманіемъ глядѣвшаго на движеніе военныхъ судовъ и транспортовъ. Когда кончилась выгрузка французскаго багажа, сей маститый мужъ обратился къ англичанамъ съ такой рѣчью: «Я вижу, о франки, что ваши братья только оскверняли мои уши разсказами о морскомъ могуществѣ Англіи! Гдѣ у васъ могущество? гдѣ у васъ порядокъ? Эти иноземцы, передъ которыми вы похваляетесь, иноземцы въ красныхъ штанахъ, имѣютъ въ гавани семь маленькихъ кораблей, наполненныхъ свирѣпыми маленькими солдатами, кофеемъ, сухарями, запасами всякаго рода. У васъ же, воиновъ, ростомъ своимъ уподобляющихся великанамъ, о которыхъ гласитъ Коранъ, одинъ только большой корабль, да и тотъ не можетъ подъѣхать къ пристани.» Всѣ смѣялись отзыву старика, и напечатали его рѣчь, какъ примѣръ восточной наивности, а старикъ былъ правъ и будто предвидѣлъ бѣдствія англичанъ подъ Севастополемъ!

Какъ бы то ни было, мусульманское населеніе Турціи, и въ особенности Константинополя, первое время смотрѣло на новоприбывшія войска не враждебнымъ окомъ, но мы знаемъ, что столица Отоманской Порты населена не одними мусульманами. Греки, армяне, сербы, болгары, составлявшіе болѣе чѣмъ замѣтную часть горожанъ Стамбула, съ ненавистью глядѣли на христіанскихъ солдатъ, явившихся защищать могущество ихъ непримиримыхъ утѣснителей противъ воиновъ Креста Господня. Житель восточнаго края не отличается особенной разсудительностью въ своихъ привязанностяхъ и въ своей ненависти. Константинопольскимъ христіанамъ не приходила въ голову мысль о томъ, что воинъ всегда долженъ слѣдовать за своимъ знаменемъ, что одна коварная политика западныхъ державъ послала на брань съ Россіей тысячи людей, въ душѣ своей питающихъ привязанность къ Россіи, и сдѣлала христіанъ защитниками закона магометова. Константинопольскія раіи далеко не обладаютъ той геройской терпимостью, которая воодушевляетъ собой простыхъ русскихъ воиновъ и дѣлаетъ ихъ настоящія сношенія съ врагомъ до такой степени рыцарскими. Христіанинъ города Константинополя всѣмъ сердцемъ своимъ возненавидѣлъ пришельцевъ. Турецкое же населеніе, вначалѣ благосклонное къ иностранцамъ, мало по малу

измѣнило о нихъ свое мнѣніе. По идеямъ каждаго мусульманина, особенно старика (изъ числа тѣхъ, которые помнили русскій лагерь подъ Ункіаръ Скелесси), за приходомъ европейскихъ войскъ, такъ же, какъ въ послѣдніе годы властвованія Махмуда, долженъ былъ въ скорости водвориться миръ; хвастливыя рѣчи ренегатовъ и чиновниковъ укоренили было въ умахъ народа такое заблужденіе. Но война разгорѣлась пуще прежняго, въ Босфоръ стали прибывать не трофеи, а корабли, наполненные ранеными, госпиталей стало мало, высокіе гвардейцы и маленькіе свирѣпые солдатики въ красныхъ штанахъ, которыми недавно любовались суровые османлы, тысячами подвозились въ Скутари или Перу, раненые, больные, изнуренные лишеніями.

Тогда въ умахъ народа стали мелькать соображенія не прежняго разряда. Въ кофейняхъ, баняхъ и около мечетей явились ораторы, смѣло приписывающіе всѣ бѣдствія столицы приходу иностранцевъ. Война не кончалась отъ упорства пришлецовъ, хлѣбъ, подвезенный для города, шелъ въ Перу, Галату и Скутари, всякой день къ Босфору приходили новые корабли, всякой день франки занимали подъ свое помѣщеніе новыя зданія, выгоняя изъ нихъ мусульманъ, будто собакъ. Иностранцамъ понадобились подкрѣпленія въ Крымъ, и въ

городѣ сдѣлали особый наборъ (въ родѣ когда-то знаменитой англійской *прессы*), зачисляя въ ряды людей вовсе негодныхъ къ службѣ, цирюльниковъ, сидѣльцевъ, лавочниковъ. Весь этотъ сбродъ погибъ отъ лишеній и эпидемій, даже не добравшись до своихъ командъ. Злоупотребленія всякого рода, и безъ того вопіющія, сдѣлались постоянными, деньги скрылись и, посреди всеобщаго смятенія, хорошо стало только однимъ франкамъ. Ихъ раненые не нуждаются ни въ чемъ, къ ихъ генераламъ самъ султанъ ѣздитъ въ гости, во всѣхъ спорахъ турка обвиняютъ передъ англичаниномъ и французомъ, весь Стамбулъ мало по малу поступаетъ подъ чужеземное начальство.

Толки подобнаго рода скоро поселили въ мусульманахъ то чувство суроваго недовѣрія, съ какимъ они нынѣ смотрятъ на своихъ гостей поневолѣ. Открытаго столкновенія между хозяевами и гостями пока еще нѣтъ, но обоюдное отчужденіе дошло до послѣднихъ предѣловъ. Такъ ложная идея всегда несетъ за собою горькій плодъ, а отстраненіе отъ законовъ истины никогда не проходитъ безъ горестныхъ послѣдствій. За войну, предпринятую несправедливо, англичанинъ и французъ терпятъ даже посреди того народа, съ которымъ стоятъ подъ однимъ знаменемъ. «Трудно разсказать», пишетъ

молодой офицеръ шотландскихъ егерей, раненый подъ Альмою: «трудно передать словами до какой степени возмущаетъ насъ всѣхъ, находящихся въ больницѣ (*), полное хладнокровіе константинопольскихъ жителей къ нашему положенію. Насъ свезли на берегъ при довольно многочисленномъ стеченіи народа, не показавшаго намъ своего участія ни крикомъ, ни дружескимъ словомъ, ни однимъ ласковымъ взглядомъ. Первое время въ госпиталѣ недоставало кое-какихъ госпитальныхъ вещей: хотя бы одинъ турокъ прислалъ намъ кусокъ мяса, клочокъ корпіи! Лежа съ моими ранеными товарищами, я слышалъ горькія сѣтованія и громкія ругательства на нашихъ бородатыхъ союзниковъ. Странныя и невольныя предположенія составлялись нами въ теченіе этихъ бесѣдъ. — Предположимъ, господа, сказалъ одинъ офицеръ, что насъ ранили, напримѣръ, во время войны за Австрію, пожалуй, хоть противъ турокъ, и привезли лечиться въ Вѣну. Какими криками встрѣтило бы насъ населеніе города, какъ знатнѣйшіе его жители поспѣшили бы насъ снабдить всѣмъ нужнымъ, съ какимъ самоотверженіемъ лучшія дамы начали бы ходить за ранеными союзниками своего отече-

(*) Писано изъ госпиталя Скутари въ газету «Herald».

ства. Ничего подобнаго мы здѣсь не находимъ, турецкое населеніе глядитъ на насъ, какъ на безчестныхъ наемниковъ, константинопольскіе христіане почти радуются страданіямъ нашимъ.»

Послѣ всего, нами сказаннаго, легко вообразить себѣ настоящій видъ столицы Оттоманской Порты. Городъ съ его предмѣстіями раздѣленъ на двѣ отдѣльныя части, между которыми нѣтъ ничего общаго, на два полувраждебныя лагеря: европейскій и мусульманскій. Въ первомъ нѣтъ мѣста турку, во второмъ англичанину или французу; въ первомъ замѣтна сильная дѣятельность, соединенная съ нѣкоторымъ порядкомъ, во второмъ одна нищета съ уныніемъ и мрачнымъ молчаніемъ. Госпитали французскіе и англійскіе, съ квартирами небольшаго числа союзныхъ войскъ, оставшихся въ столицѣ, представляютъ городъ посреди города, и о ихъ-то видѣ мы должны сказать нѣсколько словъ, для пополненія всей картины.

Первоначальное помѣщеніе для больныхъ и раненыхъ, доставляемыхъ съ театра войны, было назначено въ Скутари для англичанъ, въ Перѣ для французовъ, — первое изъ нихъ, по своей огромности, сперва вмѣщало въ себѣ и русскихъ раненыхъ. Но когда война приняла свой настоящій видъ и болѣзни стали терзать союзную армію подъ

Bass au Kolkan

Проходъ въ Тасканъ

Севастополемъ, названныхъ помѣщеній оказалось слишкомъ мало. 10-го ноября (нов. ст.) въ Скутари уже находилось 2650 пацiэнтовъ, въ Перу прибыло около 2000. Новые госпитали открылись въ Галатѣ и въ самомъ Константинополѣ, въ гвардейскихъ казармахъ, въ морской школѣ, въ частныхъ строеніяхъ. Турецкихъ раненыхъ перевели на блок-шифы, вдоль береговъ Скутари построили нѣсколько временныхъ бараковъ, и цѣпь строеній, занятыхъ больными, медиками, коммисаріатомъ, складами припасовъ, начала со всѣхъ сторонъ обвивать столицу. Если война протянется долго въ ея настоящемъ видѣ, лучшія зданія Константинополя будутъ всѣ заняты союзниками султана.

Госпиталь въ Скутари, замѣчательный для насъ потому, что въ немъ осенью находились и наши храбрые соотечественники, состоитъ изъ нѣсколькихъ огромныхъ строеній, раздѣленныхъ на два отдѣльные корпуса — одинъ изъ нихъ всегда былъ больницей, а другой въ недавное время служилъ казармою. Постройка обоихъ зданій поражаетъ роскошью, часто даже ненужною — глазъ вездѣ видитъ башни, портики, мраморные полы и огромныя окна; залы весьма велики и прохладны, между тѣмъ какъ изобиліе внутреннихъ дворовъ и вообще довольно уединенное помѣщеніе строеній поддерживаютъ внутри ихъ чистоту воздуха.

Въ нашихъ газетахъ мы недавно читали отрадную вѣсть о хорошемъ обращеніи съ нашими ранеными, и въ особенности о неутомимой, истинно христіанской заботливости сестеръ милосердія, какъ французскихъ, такъ и англійскихъ, достойно отплачивающихъ за нашу заботливость объ иноземныхъ плѣнникахъ въ Одессѣ, Севастополѣ и Симферополѣ. Отрадно думать, что въ дѣлахъ великодушія и милосердія женщины всѣхъ христіанскихъ государствъ представляютъ одну общину, дѣла которой дадутъ будущимъ историкамъ одну свѣтлую страницу въ ихъ повѣствованіи.

Плѣнные французы и англичане уже успѣли, въ своихъ письмахъ на родину, сообщить читателямъ о подвигахъ русскихъ сестеръ милосердія подъ Севастополемъ, — наше правительство съ своей стороны указало на заслуги иноземныхъ сестеръ милосердія въ Константинополѣ. Этихъ послѣднихъ, по новымъ извѣстіямъ, находится болѣе сорока въ Скутари, около тридцати въ Перѣ и затѣмъ еще довольно значительное количество по остальнымъ госпиталямъ. Французскія сестры, по большей части принадлежащія къ разнымъ религіознымъ конгрегаціямъ, извѣстны только по именамъ — между ними *сестра Марія,* столько лѣтъ знаменитая въ Парижѣ по всѣмъ пріютамъ болѣзни и скорби, пользуется особенною популярностью.

Объ англійскихъ сестрахъ мы можемъ сообщить нѣсколько подробностей, болѣе положительныхъ, ибо онѣ по большей части принадлежатъ къ свѣтскому обществу; между ними имѣется нѣсколько женщинъ молодыхъ, богатыхъ и даже знатныхъ — въ ихъ числѣ выдаются передъ другими *леди Мери Форрестеръ*, дочь лорда Родена, *мистриссъ Бресбриджь*, снискавшая себѣ извѣстность безчисленными дѣлами благотворительности, и наконецъ *миссъ Флоренсъ Нэйтингэль*, по увѣреніямъ скутарійскихъ врачей, стоящая одна всѣхъ коммисаріатскихъ и медицинскихъ бюро Великобританіи. Вотъ что говоритъ газета *Examiner* объ этой необыкновенной женщинѣ, напоминающей времена Винцентія де-Поль и филантропа Говарда.

«Миссъ Флоренсъ Нэйтингэль, меньшая дочь Вилліяма Нэйтингэля, имѣетъ обширное имѣніе въ графствахъ Дерби и Гемпшэйрскомъ. Она почти однихъ лѣтъ съ королевой, обладаетъ физическими и нравственными совершенствами, образована превосходно, говоритъ на четырехъ языкахъ, и между женщинами не имѣетъ себѣ равныхъ по части познанія древнихъ языковъ. Она много путешествовала, между прочимъ доѣзжала по Нилу до самыхъ отдаленныхъ его катарактовъ. Въ этой женщинѣ, кромѣ ея неоспоримыхъ достоинствъ, богатства,

красоты, общественныхъ талантовъ, таится какая-то неизъяснимая особенность, дающая ей неотразимое вліяніе на всѣхъ, кто къ ней приближается. Она радость своего семейства и многочисленныхъ друзей этого семейства. Что же побудило ее бросить всѣ удовольствія жизни и поспѣшить въ обитель страданія, промѣнять всѣ выгоды своего положенія на званіе сидѣлки у постели раненыхъ воиновъ? Съ дѣтскихъ лѣтъ миссъ Флоренсъ чувствовала непобѣдимое влеченіе сердца ко всѣмъ страждущимъ, немощнымъ, бѣднымъ, нуждающимся въ утѣшеніи. Большая часть ея дней посвящалась на посѣщеніе школъ для бѣдныхъ дѣтей, гдѣ она была не простой гостьею, но учительницею, другомъ и утѣшителемъ. Она не могла дѣлать своихъ подвиговъ мимоходомъ, между другими дѣлами: по мѣсяцамъ она изучала состояніе госпиталей въ Шотландіи, во Франціи, въ Германіи, и во время одной изъ своихъ поѣздокъ на твердую землю, поселилась въ небольшой нѣмецкой богадѣльнѣ, устройство которой ей показались образцовымъ. Не успѣла миссъ Нэйтингэль вернуться на родину и вступить опять въ то общество, которое ею гордилось, какъ до ея свѣдѣнія дошло, что пріютъ, устроенный въ Лондонѣ для призрѣнія больныхъ нянекъ и престарѣлыхъ воспитанницъ, находится на шагъ отъ па-

денія, вслѣдствіе дурной администраціи. Миссъ Флоренсъ немедленно поселилась въ маленькомъ, печальномъ строеніи пріюта, прожила тамъ долгое время, исправляя должности начальницы, сидѣлки, казначея, не видалась почти ни съ кѣмъ изъ родныхъ, и покинула заведеніе, поставивъ его въ положеніе истинно блистательное. Когда константинопольскіе госпитали стали устроиваться, и пожертвованія для раненыхъ поступать въ руки правительства, потребность въ опытной женщинѣ, которая приняла бы на себя заботы по внутреннему устройству больницы, подбору сестеръ милосердія и распредѣленію пожертвованныхъ суммъ — представилась прежде всего. М. Сидней Гербертъ вспомнилъ о миссъ Нэйтингэль и выборъ его не встрѣтилъ ни одного противника. Не теряя часу, миссъ Флоренсъ приняла предположеніе. Черезъ нѣсколько дней она была окружена цѣлымъ штабомъ изъ благотворительницъ, ей подобныхъ. Въ началѣ осени она была уже на мѣстѣ и вступила въ исправленіе обязанностей, которыя прославятъ ея имя навѣки.»

Пріятно передавать читателю такія строки. Пусть мысль объ англо-французскихъ сестрахъ милосердія хотя немного смягчитъ для него мрачную картину, представляемую нынѣшнимъ голоднымъ, обни-

щавшимъ Константинополемъ, вслѣдствіе заступничества его коварныхъ англо-французскихъ союзниковъ. Поднимется ли столица Отоманской Порты изъ своего униженія? Простретъ ли она умоляющія руки къ своему безкорыстному бывшему союзнику, столько разъ ее спасавшему отъ бѣдъ и даровавшему ей честный миръ? Пойметъ ли Константинополь, что для него значитъ Россія? На эти вопросы отвѣтитъ время!

КОНЕЦЪ.

100=

КН 18443
АДМ